

Русофобия

«Русофобия»: Эксмо; 2005
ISBN 5-699-12332-6

Аннотация

«Русофобия», выдающегося мыслителя нашего времени И. Р. Шафаревича, вышла более двадцати лет назад. Она была вызвана потоком публикаций, враждебных России. С тех пор ситуация усугубилась. Сейчас русофобия поощряется на государственном уровне. Иначе как понять политику правительства страны, направленную на деградацию и вырождение русской нации.

«Русофобия», пожалуй, самая еврейская книга Шафаревича, вообще очень еврейского мыслителя. «Русофобия» — это вывернутое наизнанку и применённое к русским традиционное сионистское сочинение о вечности антисемитизма и коварных гоях, только Шафаревич заменил антисемитизм — русофобией.

Израэль Шамир

Русофобия

1. Цель работы

Как течёт сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии, антипатии — и в каких его слоях — формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. д. И, конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного

одинокки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошёл взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали своё мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в неё. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первоначального хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений, обрисовалась одна чёткая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплочённого течения. Она привлекла многих авторов, её поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, её приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которое оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящемся под абсолютным запретом во всём современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нём и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможность хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее чёткой законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции — её мы и будем чаще всего привлекать в качестве источника. Укажем конкретнее, о какой литературе идёт речь. Она очень обширна и растёт от года к году, так что мы назовём только основные работы, чтобы очертить её контуры. Началом можно считать появление в Самиздате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А. Амальрика² в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развёрнуты в четырёх псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предваряла: «Это уже не голоса, а голос, не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над её прошлым, будущим и настоящим в свете христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С усилением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появились книги Б. Шрагина³

¹ Приведём самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться. Г. Померанц — советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осуждён на три года, а когда срок почти отбыл — вторично осуждён лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

³ Б. Шрагин — кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарём своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключён из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

«Противостояние духа» и А. Янова⁴ «Разрядка после Брежнева» и «Новая русская правая», несколько сборников статей. Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса⁵ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по её основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые «архитипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издравле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму её жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе, до сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю, ещё с XV века, пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианизм» (а проще — «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва — Третий Рим», высказанной в XVI веке, а современную стадию — в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия всё время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство — эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 года закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращён, переименован и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России. Сталинизм прослеживается в русской истории по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится всё более похожей на московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, — возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития — это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечёт за собой подъём русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключая для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем

⁴ А. Янов — кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции — профессор университета в Нью-Йорке, советолог. Опубликовал большое число работ в англо— и русскоязычных журналах и газетах.

⁵ Р. Пайпс (Пипес или Пипеш) — выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник бывшего президента Рейгана.

ещё очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с чётко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроения гораздо более широкого круга: она выражает **идеологию** активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая чёткие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, чёткая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу — если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через 10 их, возможно, никто не будет знать. Но социальные явления, отражающиеся в их произведениях, несомненно будут ещё долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберём их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

Ссылки на источники, из которых заимствованы приводимые цитаты, отнесены в «Библиографические примечания» в конце работы.[*]

2. Взгляд на Русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведём краткий обзор высказанных при этом мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нём собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами.

Пушкин, например, считал, что соотношение — обратное. Мнениям приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в её жителях — рабов, можно противопоставить взгляды других иностранцев, пораженных чувством собственного достоинства у русского крестьянина или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты», скорее всего и те и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он — Суверен, не является ничьим данником (конкретно — Хана). По представлениям того времени, царь был ответственен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть. Яркий пример осуждения царя — оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях. В одном из

которых, например, говорится, что «Царь обманул Бога». Так же и Пётр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей — мучеником за веру.

Концепция «Москвы — Третьего Рима», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим Интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь.⁶

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта никак уж не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и 30-летней войной.

Сводить всю дореволюционную историю России к Грозному и Петру I — это схематизация, полностью искажающая картину. Это всё равно что представлять историю Франции, состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не доказывает она и того тезиса, что революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе, господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает Раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введённые властью, не были приняты большей частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигание — и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, — Англии, Генрих VIII **скроил совершенно новое вероисповедание**, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да ещё несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже и не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот — парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочинённое из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI-XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так,

⁶ В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвящённая этому вопросу сходится на признании того, что концепция «Москва — Третий Рим» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние её следы обнаруживаются в XVII веке.

Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (в России XVIII века. — *И. Ш.*) — пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации — прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выразившееся формулой «*cujus regio, ejus religio*» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера — подчинение церкви государству в форме синодального управления Церквью, введённого Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически⁷ российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию сказалась в подчинении церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то — историку и философу — должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипического», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого в свою очередь Гитлер якобы копировал законы Третьего Рейха (!), так что законодательство николаевских времён оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо **обратным** тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана **на Западе**, — а не будь она столь глубоко разработана, она не могла бы найти и воплощения в жизни.⁸ Так, ещё в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему; он сотворён бесстрашным; на всё высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно, Суверен обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Всё, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьёй всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьёй того, какие действия хороши и какие дурны, и что всё, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к Суверену, по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще неприменимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь любое решение государства о том, что справедливо и несправедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции. Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому Сувереном), и теперь уже ОН образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над

⁷ Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идёт, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

⁸ На это много лет назад обратил моё внимание А. И. Лапин.

собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От Суверена каждый индивид «получает свою жизнь и своё бытие». Суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».

Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I?! Да, можно чётко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали её монарху, который может повелеть им всё, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая её монарху.

3. «Мессианиззм», то есть вера некоторой социальной группы (нации, церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, — явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (Помазаннике), который установит власть «Избранного народа» над миром. Такая концепция возникла в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные её стадии (Сен-Симон, Фурье) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» («Рома Терцио» у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги в связи с тем, что западный «революционный мессианизм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец тезис о том, что революция в России была predeterminedена всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского **социализма**, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно — что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной средой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Там более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдалённо напоминающего «Мюнстерскую коммуну» в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей — народные социальные утопии, — тоже не даёт ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды — Кривде, мечты о «царстве Правды», призывы к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесён с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта — Бакунин и Герцен, начавшие развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще **не русскими** по происхождению, занесёнными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: **она полностью рассыпается при любой попытке сопоставить её с фактами.**

Обратим внимание ещё на одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена **обличению жестокости**, в некоторых списках Дракула называется дьяволом. В одной из работ, посвящённых критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство. Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти всё равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит пословицу «Чужие слёзы вода» как доказательство «жестокости цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял её не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь ещё в 1892 году А. И. Соболевский писал: «Мы привыкли думать, что среди русских того времени (XV-XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчёты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75, среди землевладельцев не ниже 50, среди посадских — 20, среди крестьян (в XVII в.) — 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д. С. Лихачёв, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 90 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями), Так, он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» — постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 год. Сначала даже не поймёшь, что речь идёт о восстании декабристов — попытке вооружённого свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам — истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович — а в результате были казнены 5 человек и около ста сосланы. При том, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820...1823 гг.), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 году был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показывала, как надо расправляться с подобными возмущениями! тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 году, десятки тысяч — после подавления Парижской коммуны.

Или, желая показать, что даже самые на первый взгляд невинные русские национальные течения, вроде славянофильства, приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала этого века Шакапова и очень тёмного интригана В. И. Львова (которого он почему-то называет князем), обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец

вступившего в «Союз воинствующих безбожников». Но если он счёл бы, что идеи славянофилов развивал Достоевский — как писатель, Соловьёв — как философ, Тихомиров — как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов — как политики, то картина получилась бы совсем другая, в ещё при одном подборе — третья. Вот приём, при помощи которого можно доказать решительно всё, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение ещё ребёнок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слыхавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвящённых ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец — уже совсем курьёз — Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получает двойку, а пишет это кандидат философских наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит всё дальнейшее направление наших размышлений: **интересует ли вообще истина этих авторов?** Вопрос неприятный: существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, в не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопросов: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льёт воду?..» Но с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения ещё на одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, — о жестокости, варварстве, специфическом якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, который в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоёванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

«И предали заклятию всё, что в городе, и мужей, и жён, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом».

(Кн. Иисуса Навина, VI, 20)

И о царе Давиде:

«А народ живший в нём, он вывел, и положил их под тилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими».

(2-я книга Царств, XII, 31)

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам — государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идёт через всю Историю: не только в тёмные средние века, но и в эпоху торжества разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план — покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион — это когда всё население Франции составляло 28 миллионов! И наконец Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать русским жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из названных выше авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему

подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3...4 тысяч человек». (Речь идёт, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набег крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшили население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, **за несколько дней** было истреблено больше народа (в Париже и провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требование **историзма**. А ведь все они — люди с гуманитарным образованием, факты, которые мы выше напомнили, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они не известны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали **факты**. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это **журналистская публицистика, пропаганда**, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда её и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определённую **ЦЕЛЬ**. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателям взгляд, **согласно которому русские — это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших всё чужое и враждебных культуре, а Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?**

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своём большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчёт в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти: народ, **ТАК** оценивающий свою историю, существовать не может. Мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает. [*]

3. Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления. Как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес и к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, то есть подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

«...Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего».

(Горский, псевдоним)

Тот же автор предупреждает:

«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...»

(как оно, по-видимому, строилось у 20 миллионов..., сложивших свою голову в последней войне⁹). Опасным соблазном автор считает размышление о СМЫСЛЕ существования России, то есть саму презумпцию ОСМЫСЛЕННОСТИ русской судьбы. С осуждением он говорит:

«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что такое Россия? в чём смысл её существования? каково её назначение и место во Всемирной истории?»

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», не крайней мере «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД», № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русского Православного Ренессанса». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме — **безнациональное**. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчёркивает, что симпатии Янова — на стороне **космополитической** прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно **национальное**, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно — «**татарски-мессианское**» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел **проходит между националистами и ненационалистами**». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущем России, то там не оказалось бы места **антирусской оппозиции**! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчётливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», вышедшим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР **менее** важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчёт в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдёт, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно — не за права русских!

Наконец эта проблема обсуждается ещё раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто её смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало „гуманистическое сознание“, но на нации».

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чём, то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом,

⁹ По некоторым данным, гораздо больше.

говорится: «нации — **один** из уровней в иерархии Христианского космоса...» (выделено мною. — *И. Ш.*), то есть, если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется **и на нации** . Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется **только на отдельные личности** , а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, расплывённое (или «квантованное») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, — таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и ещё более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности — утверждается, что спора и вести-то не о чём, так как **народа вообще нет** . Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая... Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты — и массы... В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной... То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство».

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа...

Эти мысли естественно вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании, раблепия и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечётся признаёт хозяина своим и служит верой-правдой».

Или в поэтической форме Галич:

Что ни год — лихолетье, Что ни враль — то мессия.

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе ТАКИХ традиций может кончиться лишь ещё одной катастрофой. Мнение одного из авторов, что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но по существу все их взгляды приводят к этому выводу: Истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чём же тогда строить будущее этой страны? Ответ даёт второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе **чужого** опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что это опыт **чужой** , не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как даёт гарантию, что он не заражён теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, всё наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение — является ли Россия европейской страной, или для неё существует особый, собственный путь развития...»

Таким образом, именно ПОИСК собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, **вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм** . Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

«Не заключается ли он в поисках альтернативы для европейской демократии? И не приводит

ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведёт лилогика борьбы против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из **двух** возможностей или «европейской демократии», или «авторитаризма», да ещё в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощённую схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, церковь или церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и всё время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его **крайние** точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с её всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства — и современной Югославия, и Кампучия при красных кхмерах, а многопартийные — и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, — был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссии в нём носили технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение не играли заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот парламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1912 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во вьетнамской войне, потребовавшей от него сравнительно небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ — это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколь угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, можно ли его приписать живой природе в целом или отдельному виду или биоценозу — и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путём формулирования своей воли, а восстаниями или подъёмом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлётом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или лёгкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства — это,

конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в её современном состоянии она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать её безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Назовём некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществлённая в Веймарской республике, в качестве реакция привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 году была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск ещё одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживёт? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с лёгкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескьё и авторы американской конституции) исходили из концепции **ограниченной власти**. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти — сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (ср. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущем параграфе). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей: когда, например, законодательство неподвластно конституционному монарху или судебная власть — воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто незаписанные и даже неосознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надёжный путь ограничения власти в её принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789...1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Бёрк, наблюдавший начальный этап французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, — законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», то есть подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак её упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, в западном обществе свободы существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волшебству же будет один уклад заменён другим, очевидно,

предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в **современной** его форме на такую конкуренцию? Всё больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5% в 1920 г. и 8,5% в 1940 г., то в 1960-м она составила более 45%, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шёл только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь — всё наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях всё растёт число противников их государственной системы. Сторонники же её обычно прибегают к тому аргументу, что как она ни плоха, остальные — ещё хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она — недолговечная форма. 200 лет — это предельный срок её жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система — **уходящий** общественный строй. Её роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собою гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней всё человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять — безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов **определённое** представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в готовом виде, не разрешая обсуждать возможные её варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии, вроде существующей сейчас в США. (Например, Шрагин и Янов.) Но вот, например, Краснов-Левитин ¹⁰ желает ввести «полное имущественное равенство», а Л. Плющ ¹¹ утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа, индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: КТО будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третьей стороне, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного

¹⁰ А. Краснов (А. А. Левитин) — церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол православной Церкви: был секретарём руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в православную Церковь, в связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е годы протестовал против массового закрытия церквей при Хрущёве. Был вновь арестован и осуждён на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

¹¹ Л. Плющ — марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещён в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на западе (...) Плющ был освобождён, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда ещё робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: **социалистические**. Но это уже не современная западная демократия, в некая **альтернатива** ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории безусловно до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно общее у всех у них — раздражение, возникающее при мысли, что Россия может **искать** какой-то **свой** путь в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдёт по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, работа, лишённого всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридевять земель и вложенной в него программой... Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авторы обратились бы со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным **отражением** реальной, западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в статье Померанца в сборнике «Самосознание». Трактует развитие культуры ВСЕХ стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как СКОЛОК с культуры этих последних, автор подчёркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия — искажённое копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к ещё более остроумным конструкциям, чтобы объяснить, почему Фирдоуси, Омар Хайям и Хафиз так искажённо отражаются в виде Данте, Гёте и Пушкина.¹²

В несколько упрощённой, но зато очень яркой форме все эти вопросы — и планы для будущего России, и их национальный аспект — предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя — «истеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Истеблишментарная левая» (термин автора!) состоит из «партийной аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого — в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», то есть с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этически ущербного нового класса». Но — и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции — ЭТОГО ОНИ СДЕЛАТЬ САМИ НЕ В

¹² Любопытно, что при этом автор как раз сам отстаёт от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX века и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы её пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

СОСТОЯНИИ:

«Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, — программу, которая их объединит для нового шага вперёд...»

Вот это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить её понятнее, автор предлагает в качестве модели — ОККУПАЦИЮ:

«Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся „мозговой трест“ генерала Макарттура в конце второй мировой войны. ¹³

Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнёра по бизнесу без фундаментальной реорганизации её внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России...»

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера — героя одной сатирической повести. Речь идёт о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробивалась через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него — это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта — привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, — рассуждает Янов, — правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным сообществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофоническими унитазами! Её можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения. [*]

4. Малый народ

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих параграфах, сливаются в единую систему. Более того, в основе их лежит целая философия истории — особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идёт о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, как воспринимать общество — **организмом** или **механизмом**, **живым** или **мёртвым**.

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти «нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершается на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, Историей, совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определённой цели.

¹³ Генерал Макарттур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыком: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала выработать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и «творцом» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это и помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую — независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов — насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишённое свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очернить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа — и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанной Яновым, так и воплощается зрительно в образ России — машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание — и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение всего живого никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконечного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины должен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включённом и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на материал для её творчества очень ярко отразился у наших авторов. Приведём несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью — эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»... Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернёмся позднее, когда представим его себе конкретнее.

Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

«...Старое противоречие между „беспочвенной интеллигенцией“ и народом предстаёт сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращёнными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям».

Причём в то же время:

«Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция, при всём её отрыве

от народных масс, представляет тем не менее именно породившие её массы, является как бы органом их самосознания».

Точка зрения Шрагина такова:

«Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

И более того:

«Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых».

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить НЕВМЕНЯЕМЫМ! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

«Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь...складывается хребет нового народа» . «Масса может заново кристаллизироваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции».

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только — где элиту найти:

«Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша... Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу... Мой избранный народ плох, я это знаю... но остальные ещё хуже».

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на неё натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу привить демократический строй **демократическими методами** , да ещё в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов здесь и затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и **недемократическими методами** . (Руссо называет это: **заставить быть свободными** .) Как пишет Шрагин:

«При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности».

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчёркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий своё единство, особенно рельефно подчёркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

творческая элита — оболваненная и развращённая масса избранный народ — мещанство европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция — вечная мерзлота вменяемые — невменяемые племя гигантов — человеческий свинарник

(последнее — из самиздатской статьи Семёна Телегина «Как быть?»).

Слой этот объединён сознанием своей элитарности, уверенностью в своём праве и способности определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано — в эпоху Великой французской революции.

Один из самых интересных исследователей французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции) Огюстен Кошен в своих работах обратил особое внимание на некий социальный, или духовный, слой, который он назвал «Малым Народом». По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своём собственном интеллектуальном и духовном мире: «Малый Народ» среди «Большого Народа». Можно было бы сказать — **антинарод** среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, её духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединявшие представителей «Малого Народа», создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире всё проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «Малого Народа» — это то, что тогда называли «освобождением от мёртвого груза», от людей, слишком подчинённых законам «Старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создаётся всё более чистый «Малый Народ», движущийся к «свободе» в смысле всё большего освобождения от представлений «Большого Народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером — образом «дикаря», столь распространённым в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескьё, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек, обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишённый понимания духа, который всё это оживляет, поэтому всё в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ — не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах; это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средой его обитания является пустота, так же, как для других — реальный мир. Он видит всё и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «Малого Народа», если он прошёл весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное существование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, он как бы освобождается от цепей жизни, всё представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «Малого Народа», в мире «Большого Народа» он задыхается, как рыба, вытасченная из воды. Так «Большой Народ» становится угрозой существованию «Малого Народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы, предшествовавшие французской революции, и революционный период. Годы революции (1789...1794) — это пятилетие власти «Малого Народа» над «большим Народом». Только **себя** «Малый Народ» называл народом, только **свои** права

формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» — в большинстве. (Это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей.)

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу — все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря... И убеждение в том, что всё разумное следует заимствовать извне, тогда — из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности копирование чужой политической системы — английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «Малый Народ», все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа. Для которого всё то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, её религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни — всё это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезанным начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку — как чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение её не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке французской революции в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведём несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии такое влияние на жизнь Европы XVI-XVII веков. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаём знакомые черты «Малого Народа». Учение Кальвина утверждало, что ещё до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других — к вечной гибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обречённом на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся **орудием** Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что началу движения пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследования в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они, под влиянием учения Кальвина, заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обречённые», согласно взглядам пуритан, должны были быть подвергнуты дисциплине их церкви, причём здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обречёнными» не оставляла места

для милосердия или помощи грешнику — оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в города в поисках работы, а часто превращающиеся в бродяг. Пуритане требовали всё более и более строгих законов: превозносили порку, клеймение раскалённым железом. А главное — требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII веке возникла страшная система «рабочих домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в самом своём принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статусов, ордонансов и конституций». Причём к переделке по известному им заранее плану, Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма», на этот раз — восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и ещё более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так, и 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили — «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Всё немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко всему чужому, что их история — цель подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гёте, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам ещё надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев.

Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и не остроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура, история: так, в конце поэмы «Германия — Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, исходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождём французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчётливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: «Оставьте всякую надежду, рабство в крови их». Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

«...Они хотят быть демократами, да и только, а там им всё равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе... Народ груб, туп и вследствие этого пассивен... Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным

пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергичически против него».

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

«“Этого народ не позволит», — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!» — ответил западник спокойно и величаво».

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающиеся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя бездарными писателями без собственных мыслей, а Ткачёв присоединил к этому списку и Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец садящегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский всё время полемизирует с какой-то очень определённой, чёткой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так всё совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть абсурд» и как следствие — «надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком». И цель — добиться того, что народ «застыдится своего прошлого и проклянёт его. Кто проклянёт своё прежнее, тот уже наш, — вот наша формула!». И принцип — что, кроме европейской правды», «другой нет и не может быть». И даже утверждение, что «в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему всё та же косная масса», — как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой, согласно этой идеологии, в том, что «виноваты всё те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор ещё ничего сделать нельзя». Как современны мысли самого Достоевского:

«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национальной, своей органической силой, в непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?»

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди **НЕНАВИДЯТ** Россию, «так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за всё, за всё ненавидят».

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодёжи, из которых вышли террористы, имело своей основой разрыв с прошлой культурой. Прокламировалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвалой. Идеи этих кружков были столь ограниченны, что появились молодые люди, утверждавшие, что вообще ничего не надо читать — их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев самоубийств, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно и — бросились в террор.

«От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории».

Это было возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит „всё зло“, т. е. весь свет, всё избличающее его химеру, чем уступит».

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь чёткого комплекса идей не может быть случайным очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определённым социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа.

Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаём роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роль религии — но в основном как политического фактора, например, когда религиозная рознь проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера — но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит — привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти своё место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый Народ». [*]

5. Современный вариант «малого народа»

Какие есть основания считать, что этот же феномен «Малого Народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «Малого Народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим — презрительное отношение к истории «Большого Народа», вплоть до утверждения, что её вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиту» и «инертную массу» и твёрдая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям «Большого Народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «Малом Народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «Малого Народа» над «Большим Народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца: «...место интеллигенции всегда на полдороге... Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои», прекрасно передаёт мироощущение «людей без корней», составляющих «Малый Народ».

Часто изречения из литературы современного «Малого Народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «Малого Народа» с его предшественником 100-120-летней давности, сложившимся внутри либерального, нигилистического, террористского и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «Малого Народа» можно встретить мысли — почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убеждённые западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя всё это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделённые друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии «чересчур узки». «Рабство в крови их», — говорит Зайцев, а Померанц повторяет: «холуйская смесь злобы, зависти и

преклонения перед властью».

И если вдова поэта О. Мандельштама Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия... Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) «мужиковствующими», говорил, что их национализм «примитивный и отдающий тараканами», то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет:

«Интеллигенция есть мера общественных сил — прогрессивных, реакционных. Противопоставленный интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу»,

то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положения знаменитой Готской программы:

«По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу».

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов, мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «Малого Народа», попытаться свести её идеи к нескольким основным мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «проклятого прошлого», России «тюрьмы народов»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «пережитками», «родимыми пятнами» — правда, не капитализма, но «русского мессианства» или «русского деспотизма», даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм» как главная опасность — это буквально сохранено, будто заимствовано литературой «Малого Народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот ещё одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего народа покалечено обработкой, цель которой была — заставить стыдиться своей истории, забыть о её существовании, когда Россия представлялась «жандармом Европы» и «тюрьмой народов», а история её сводилась к тому, что «её непрерывно били». ¹⁴ Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он. «Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую цензуру эти слова — „жандарм Европы“, отнеся их хотя бы к русскому прошлому».

Но сам **на той же странице пишет :**

«Была ли Россия „жандармом Европы“? — А разве нет? Была ли она „тюрьмой народов“ — у кого достанет смелости это отрицать? Били ли её непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? — Факт».

Значит, «время, когда это делалось», — совсем не забыто, прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист — перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключаящих. И представляется нам только выбор между этими двумя путями — ибо третьего, как нас уверяют, — нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «Малого Народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «Большого Народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 году. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших своё право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда,

¹⁴ Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

что все они были «высланы» или «выдворены» — хоть и долго обивали пороги ОВИРа, добиваясь своей визы.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы МЕНЬШИНСТВА. Так, вопрос о свободе выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей.¹⁵ В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев — больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов, пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключённых, то почти исключительно политзаключённых, хотя они составляют вряд ли больше 1% общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее острые, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример — заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентам, что детям интеллигенции препятствуют получать высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных из-за внушённой в семье установки, что высшее образование необходимо получить, из-за большей культурности семьи, компенсирующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя **в долгу** перед народом! Теперь же задача — вырывать своим детям места **за счёт народа**.

Ещё один знак, указывающий в том же направлении, — это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объявление права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека — невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать, в некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что «в этой стране порядочному человеку жить невозможно». Но и более того, **как модель** отношения к здешней жизни, безгливости, изоляции и отрыва от нее. (Ещё Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера.

1. На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция всё же не подвиг, в уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в её культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио... Один живущий здесь писатель написал громадную статью в известную французскую газету «Монд», в которой, в частности, утверждал, что «отрыв от родины» — всегда подвиг и что «мы(?), оставшиеся, благословили уехавших».

2. Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своём первом номере, где предлагается программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии А. Синявского¹⁶ (под псевдонимом Абрам Терц). «Сейчас

¹⁵ А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

¹⁶ А. Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и

на повестке дня третья эмиграция», — пишет автор. Понимает он её широко. «Но все бегут и бегут» — не только люди, например, она совпадает с тем, что «уходят и уходят из России рукописи». А кончается статья картиной:

«Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможене. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: „Поэты Возрождения“, „Салтыков-Щедрин“. К тому времени я от себя уже всё отряс. Но они прыгали и прыгали (...). Книги тоже уезжали...

Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжечек, что вместе со мной, поджав уши, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Мы уезжали навсегда. Всё было кончено и забыто. (...) Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав уши, улепётывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин».

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор «всё от себя отряс», для него «всё было кончено и забыто», но этого мало — бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже «улепётывают» великие русские писатели — Русская Литература.

И ту же психологию «Малого Народа» мы всё время можем наблюдать в нашей жизни. Популярные певцы, знаменитые рассказчики — из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады — вдалбливают в головы образ русского — алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном театре с репутацией либеральности идёт пьеса из русского прошлого. Понимающая публика тонко переглядывается: «как смело, как остро подмечено, как намекает на современность, действительно — в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспросветным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стихе, в четырёх строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что марксово наследство Попало в русскую купель, Где цель оправдывает средства, А средства обо...ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя — новорождённый и его мама — вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорождённому так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползём туда!» — «Тсс, отвечает мама, — ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не рождаются, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу: **литературное течение, рассматривающееся в этой работе, является проявлением идеологии «Малого Народа», отражением его войны с «Большим Народом».**

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («Большому Народу»), Русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпают его отравленными стрелами...

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «Малый Народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы сделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «Малого Народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя

повестей. Был судим и осуждён на 5 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным» имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издаёт в Париже журнал «Синтаксис».

отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляется два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и поэтому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются, — это читатели самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому правдоподобно, что наш «Малый Народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например «лиц с высшим образованием», — нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали ещё от XIX века дурную привычку рассматривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если эта суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьёва, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран академиком). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей — не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернова). Например, Анненский писал:

«Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперёк всего течения современной жизни».

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназии или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «Малый Народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определённую её часть, которой свойственно «безрелигиозное отщепенство от государства» — черта, очень подходящая к характеристике «Малого Народа». Бердяев в начале статьи упоминает, что он имеет в виду «кружковую интеллигенцию» и даже предполагает для неё новый термин: «интеллигентщина». Он говорит: «странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества». Характеристика Гершензона: „сонмище больных, изолированных в своей стране“. Франк называет интеллигента „воинствующим монахом нигилистической религии безбожья“, интеллигенция — „кучка чуждых миру и презирующих мир монахов“.

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милюков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милюков считает «интеллигенцию» **ядром** «образованного класса», «ей принадлежит инициатива и творчество». Характеризуя её, он пишет: «Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна», у неё «сложился свой патриотизм государства в государстве, особого лагеря, окружённого врагами». Он отмечает «эмигрантское настроение» интеллигенции. Овсяннико-Куликовский пишет об интеллигенте-разночине: «Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем».

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определённо относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос «кто же это — интеллигенция?» как-то обходится, на него нет определённой точки зрения. Видно, что авторы сборников имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его

уникальность, но даже не поставили задачи о его более точной характеристике. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искажённо отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» даёт совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «Малому Народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе **самого** «Малого Народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенции», мы можем понимать его как «Малый Народ».

Шрагин и Янов (и, кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот ещё менее определённый, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовёшь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, Померанц: «элита», «избранный народ», ещё более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуются сами идеологи «Малого Народа», не даёт возможности этот «народ» сколько-нибудь точно локализовать. Мы должны искать какие-то другие пути для решения этой задачи. [*]

6. Национальный аспект

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы её насыщенность национальными и прежде всего **противорусскими** эмоциями. Авторы, по-видимому выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители — историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведённых выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипическая российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»). Вот ещё несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком ОНИ О НАС:

«Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-либо другой страной» (N.N.).

«Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское „избранничество“, многовековая гордыня „русской идеи“ (он же).

«Народ» оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества» («Горский»).

«Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу» (он же).

«...Византийские и татарские недоделки (о русских допетровских времён)» (Померанц).

«[На Руси] христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости» (он же).

«Страна, которая в течение веков пучится и расплзается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач» (Амальрик).

«Страна без веры, без традиций, без культуры» (он же).

«А что самим русским в этой тюрьме сквернее всех, так это логично и справедливо» (Шрагин).

«[В дореволюционной России] „трудящиеся массы“ пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью» (Пайпс).

«...Исполнение мечты о „порядке“ и „Хозяине“, которая уже сейчас волнует народное сознание» (Янов).

«...Традиционная преданность народа „Хозяину“ (Янов).

«[Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что] „у русофилов выбивают почву из-под ног“. Предлагается отказаться от слов „Россия“, „русский народ“, заменив их „советский народ, советские люди“ и т. д.» (Белоцерковский).¹⁷

Вообще, в литературе этого направления из всех народов, претензии предъявляются только русскому. Например, «национализм» без всяких оговорок подразумевается только русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма» в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ ещё заявляет: «Ненормальным мне кажется подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет», — это в сборнике «Демократические альтернативы», где подобные «подсчёты» и упрёки адресованы только русским!»

Чтобы не создавалось впечатления, будто здесь какую-то особую роль играет **слово**, приведём два примера, где те же чувства передаются средствами **живописи**.

1. На обложке журнала «Третья волна» (1979, № 6), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.

2. В роскошно изданном каталоге выставки под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжёлое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рождает чудище с тремя собачьими головами. Из первого существа течёт моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая утекает в качестве ночного горшка — в храм Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне, Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о поговорах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, «примитивно прост: заботится только о себе и не думать о других». Об их религии Меерсон-Аксёнов¹⁸ говорит:

«...Магизм и суеверие крестьянского православия»

(и это пишет человек рукоположённый в сан православного священника!).

Суждения Померанца таковы:

«Мужик не может возродиться иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!) — это нации, в которых исчез голод. Крестьяне несовершенны в религии, как в агрономии».

А. Амальрик пишет:

«И если язык наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский — „арапчонок“ Пушкин и „жидёнок“ Мандельштам или мужик, который у пивной размазывая соплю по небритым щекам, мычит: „Я... русский!“».¹⁹

¹⁷ В. Белоцерковский — недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живёт в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

¹⁸ М. Г. Меерсон-Аксёнов — по образованию историк. Опубликовал в Самиздате и на Западе (частично под псевдонимами) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в сан священника Американской Православной Церкви.

¹⁹ Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не выписывается грязное ругательство, употреблённое автором.

Этот список можно было бы продолжать и продолжать...²⁰ Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причём вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» — страх и ненависть). А ненависть к одной нации скорее всего связана с обострённым переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять этот тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять всё явление.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? — то для человека, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи учёных, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрёл непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признаётся.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое движение: проблема отъезда и страх антисемитизма — они всплывают почти в каждой работе. Ещё более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они НИКОГДА не пытаются примерить и своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским в России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявились вопрос спорный. Но ведь «Мессия» — не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно у евреев представление о себе как «Избранном Народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их религии, а религия — основу государства Израиль — и ни один из авторов в ЭТОМ не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчёркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и тёмный путь. Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далёкую тропическую страну — не в отпуск, а навсегда, — и притягивали их не иконы, которым молились ещё их отцы и деды, а храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот, Янов описывает русскую националистическую группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это — начало пути, который неизбежно приведёт к деспотизму — только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все

²⁰ Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в § 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский — «классик славянофильства». Скорее всего это проявление брезгливого отталкивания, когда и славянофилы и западники одинаково омерзительны.

эти черты и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности — можно наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдёт по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды — и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать: «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительное — часто ведь отмечается и склонность к **покаянию**, типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 года и т. д.). С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисемитизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпции национальной невиновности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев, и ответом — все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских. И Янов не видит здесь никаких параллелей!

Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если обращены к людям тех же взглядов, смотрящих на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции — евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского — того самого, который хотел «выбить почву из-под ног русофилов». О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительного может в этом увидеть беспристрастный читатель? Сам Янов считает главным злом — внесение в политику моральных оценок, демократами он признаёт только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрёк еврейской «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе, недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (то есть расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что **всё** обсуждается, ничто не замалчивается?). Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплёке может объяснить загадку опубликования статьи Янова о славянофилах — в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет сказать: «Не доверяйте свободолюбивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведёт к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец и у самих идеологов «Малого Народа» нередко заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» — «Малый Народ», приобретают смысл прокламирования особой, центральной роли, которую играет в современном нам «Малом Народе» его еврейское ядро. Так Н. Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

«Евреи и полукровки сегодняшнего дня — это вновь зародившаяся интеллигенция».

«Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей...»

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем её у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живёт здесь), говорит:

«Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей „кровью“ и тем, что я говорю по-русски; между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным, Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем».

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере для себя). Тем не менее он заявляет:

«...Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма (...). Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит моё освобождение (...). Я не осознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, мой кров всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете: а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев — ступать по воде».

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

*«Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе её не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна».*²¹

Вместе с тем автор берётся указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или по крайней мере какой-то его части):

«Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть её со стороны. Русские люди этого преимущества лишены — что они неоднократно доказывали».

Также и Шрагин подчёркивает национальную окраску своего понимания интеллигенции («Малого Народа»):

«Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьянина, рабочего или бюрократа». «Ещё Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа».

Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным сообществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл» (еврейская фамилия Маршалл происходит от слова «маршалик» — шут в гетто).

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

«Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого „перемещённого лица“, для каждого человека, потерявшего родину, центром вселенской международной диаспоры (которая растёт и ширится). Если у еврейского народа, после трёх тысяч лет истории, есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все».

Интересно было бы понять, что это за «перемещённые лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например, это не арабские беженцы из Палестины. Скорее, здесь подразумеваются лица, утратившие почву по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей «без корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции

²¹ Это не пустые слова — его книга пропитана отвращением к России и русским, выплёскивающимся почти на каждой странице.

«Малого Народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «Малый Народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так — дело обстоит сложнее. Психология «Малого Народа» когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед «Большим Народом» и даёт сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако «Малый Народ» «воплощается»: использует определённую группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «Большому Народу». Это может быть религиозная группа (в Англии — пуритане), социальная (во Франции — III сословие), национальная (определённое течение еврейского национализма — у нас). Но как во Франции в революции играли видную роль и дворяне, так и у нас можно встретить русских или украинцев среди ведущих публицистов «Малого Народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе всё движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «Малого Народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «Малого Народа» пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего процесс формирования «Малого Народа». Однако сама категория «Малого Народа» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше. [*]

7. Большой вопрос

Но если принять, что обострённый русофобский характер литературы «Малого Народа» объясняется влиянием каких-то еврейских националистических течений, то всё же остаётся вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, чтобы не сказать — ненавистью к России, русской истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с которой так или иначе соприкасается почти каждое произведение русофобской литературы: КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ЭТОЙ СТРАНЫ ОКАЗАЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПРИЛИВ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ — КАК РАЗ В ЭПОХУ ВЕЛИЧАЙШЕГО КРИЗИСА В ЕЁ ИСТОРИИ? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания, Действительно, вряд ли был в Истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части её населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы ещё долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится всё более актуальным во всём мире, особенно в Америке, где как раз теперь «лобби» еврейского национализма достигло такого необъяснимого влияния: когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтедобывающими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль — и президент, вместо того чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что никакого урона Израиль не понесёт.²² В такой ситуации естественно может возникнуть желание познакомиться с тем,

²² Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. «Голос Америки» начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осуждённые в СССР за попытку угона самолёта и теперь амнистированные, прибыли в Израиль. «Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться

к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда ещё, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и всё время всплывает в литературе «Малого Народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, «революцию делали не одни евреи», утверждает один аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что «революцию делали одни евреи» (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Другой автор в «Континенте» признаёт участие евреев в революции на 14 процентов (!) — «вот за эти 14 процентов и будем отвечать!» Вот ещё пример: пьеса «Утомлённое солнце» (вообще замечательная клокочущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор — Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?), В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: «...ответственности вы не несёте, но устраиваете нам революции, отменяете нашего бога, разрушаете церкви». — «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!» — парирует Веня. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями — и признаёт вопрос неразрешимым: «А кто такой Врангель? (то есть немец ли?), Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни — что в ней всегда ведущую роль играли нерусские. «Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона». Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот «у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)» — хотя должен был бы автор помнить тот перевозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец намекает, что если и было что-то там, ну... не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: «Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немислим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов». (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин? — *И. Ш.*) Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всём виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придаёт такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «Малого Народа», именно потому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чём. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 году. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния

расширения советско-американской торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырёх еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

каждого народа в своих ошибках? Безусловно это высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко ещё не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путём. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от неё отворачивались, запрещали о ней себе думать в надежде, что другие за нас её разрешат. Там более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, сколько-нибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «отбросы еврейской общественности...» И так же дело обстоит и сейчас, например, А. Суконик, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинён в «антисемитизме».

Да всем этим можно было бы ещё пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что как эта проблема ни болезненна, уклониться от неё невозможно.

А обсуждать её нелегко. Жизнь в стране, где сталкивается столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже неосознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан — теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов — обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубокоукоренённый, внушённый запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключающее с самого начала возможность такого вывода, — объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданы они или нет, с этой точки зрения — в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет, строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего — в Соединённых Штатах.

Яркий пример обнажённого применения этого положения — в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами», и по этому поводу пишет:

«Он перечисляет, безо всякого лицепрятия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Опасное слово засунуто посредине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования».

Слово «опасное» выделено мною. Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это, «засунутое в середину» слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире раз в пятьдесят больше, чем евреев. И никак уж не опасно было ему назвать русских «недоделками» и «холуями». Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

«Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции! Поменьше поляков, побольше мадьяр! Современники смотрели на эти вещи иначе...»

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступить которую — недопустимо.

И в этом Померанц прав — «слово» действительно опасное! На каждого осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упомянув о «националистах», он говорит:

«...возразят они мне, что антисемитизм — атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись...»

Это «главное оружие» неуточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений — или, наоборот, загниванием капитализма, или ещё — завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков», Сталин — «пережитками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанными у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осуждённой во II веке церковью, или хулой на Богородицу. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, — что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то речь идёт о том самом запрете: не допустить даже как предположение, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого — мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, — хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, А. Синявского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент» он пишет:

«Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразиться так — помягче) к евреям».

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что всё это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» — в частности на евреев. Но дальше, подымаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские), восклицает: «Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя».

Видите, автор даже берёт русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нём что-то и «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в

более современной терминологии — неменяемы (хотя Россия — Сука всё же ответит и за это и за что-то ещё...). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским?

В каком другом вопросе такой трюк сошёл бы с рук? А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в Московской организации Союза писателей евреев — 80 процентов. Не пытаюсь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает «приступить к погромам, опоясавшись Мономахом» и даже что «мы имеем дело (...) с православным фашизмом». Видно, что цель — увести читателя с неудобной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских — почти неменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм» и «толерантность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм» и «толерантность». Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают её как свободу **своей** мысли и свободу слова лишь для **её** выражения !

Более рационально, аргументировано тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но приняв такую точку зрения, мы должны бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что «Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной», ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не всё же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против неё возражают (некоторых из них мы называли выше). Так что здесь вполне остаётся свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершённые.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе ещё одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходило? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» — от середины XIX до середины XX века? [*]

8. Еврейское влияние в «революционный век»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединяющих почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодёжь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь — экономику, культуру, политику, — всё больше влияя на неё. К началу XX века это влияние достигло

такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

«...Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать», — писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

«Теперь еврей — во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом...»

Тем не менее мысль, что «революцию делали одни евреи», бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы её было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» русскую революцию, то есть были её инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошёл поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что после убийства Александра II привело к взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок „Народной воли“» ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети — 51 из 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой организации эсеров: её создал и ею с 1901-го по 1903-й руководил Гершуни, с 1903-го по 1906-й Азев²³, с 1906-го по 1907-й — Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 году она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом — «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев.

Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской — русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии небольшой еврейский погром), к большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом и особенно вслед за ним —

²³ Кажется, его фамилию надо произносить 'Азев, а не Аз'еф.

от меньшевиков, из Бунда (многие руководители Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти — Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда — Зиновьев, Москвы — Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале — несколько месяцев — Ефим Цетлин и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведённым в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имён уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжёлой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это всё лишь количественные оценки. Каков же был **характер** того влияния, которое оказало на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имён в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времён гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии — идёт ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1-2 процента населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нём почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере её деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» — его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентом на престол своего предшественника — вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно **как царь**, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустишие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это.²⁴

Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории когда решалась судьба крестьянства (он приведён в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), заместители — Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела — Залович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа — Матвей Берман, потом Френкель; политотдела — Ляшков; хозяйственный отдел Мирнов: спецотдел — Гай, иностранный отдел — начальник Слуцкий, заместитель — Борис Берман и Шпилгельглас; транспортный отдел — Шанин. А когда Ягodu сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский.

Или, наконец, уничтожение Православной Церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике Шпицберге), а в 30-е Емельян Ярославский (Миней

²⁴ Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаём из неё, что на стенах дома, где произошёл расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украинского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (то есть почти исключительно антиправославной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время — Ленцман и Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счёт всё увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая или интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлечёнными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины.) Тут — кардинальное отличие от французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там «патриот» — был термин, обозначающий революционера, у нас — контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: расстрелян как заговорщик, монархист и патриот.

И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских народов. Та приманка, которая заманивала большинство молодёжи в революцию, была любовь и сострадание к народу, то есть тогда — к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цитировали его в № 4, например, что «рабство в крови русских»): «Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал её, так что противно было читать. Он писал, например: „сгинь, проклятая“. О Плеханове Тихомиров пишет, что он „носил в груди неистребимый русский патриотизм“. И вот, вернувшись после февральской революции в Россию, он обнаружил, что его бывшее влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: „Будь проклят патриотизм!“»

Это «антипатриотическое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы, Зиновьев призывал тогда «подсекать головку нашего русского шовинизма», «калёным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намёк на великодержавный шовинизм»; Яковлев (Эпштейн) сетовал, что «через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм». Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: «...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны (...) поставить себя в неравное положение в смысле ещё больших уступок национальным течениям». Он требовал поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими...». Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «РУСОПЯТ» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жёсткой Расеюшку с пути столкнут?!

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же! Вечная память тебе.

(Александровский)

Или:

*Я предлагаю
Минина расплавить,*

Пожарского.
 Зачем им пьедестал?
 Довольно нам
 Двух лавочников славить,
 Их за прилавками
 Октябрь застал.
 Случайно им
 Мы не свернули шею,
 Я знаю, это было бы под стать,
 Подумаешь,
 Они спасли Расею!
 А может, лучше было б не спасать?

(Джек Алтаузен)

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России — даже за счёт противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Пётр Великий сифилитиком или гомосексуалистом, это ведь не оказывало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся». Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений — и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неустанно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? «Этот вопрос кажется мне неразрешимым», — говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

«Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, он был „одержим“ по-своему этим вопросом; он писал о нём чуть ли не больше, чем любой другой революционер».

Как раз сравнение с Врангелем поучительно: заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля — генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением — с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Всё течёт», развенчивая и Сталина и Ленина, пишет: «блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий». ²⁵

²⁵ В. С. Гроссман — советский писатель и публицист, вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно, втайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти, в одной из них, «Всё течёт», он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзываясь о Троцком (оттуда и взяты приведённые выше цитаты), в той же книге он утверждает, что вся русская история — это история рабства, что русская душа — тысячелетняя раба, извратившая занесённые с Запада свободолобивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем

Не только этот пример Померанца неудачен, но можно привести много примеров того, что как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер — один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической («кадетской») партии, после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмём момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже — один из вождей Французской компартии) Шарль Раппопорт пишет:

«Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне „Союз русских социалистов-революционеров“, из которого выросла в дальнейшем партия эсеров...²⁶ Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь кем хочешь — социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но в первую очередь будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу».

Взгляды самого Раппопорта таковы:

«Еврейский народ — носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории... Исчезновение еврейского народа будет означать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой организации, были направлены против Плеве и великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считался ответственным за Кишинёвский погром; ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; вёл. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отменённые раньше). Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев «трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за Кишинёвский погром».²⁷

О том же свидетельствует и Ратаев. Один из руководителей партии эсеров — Слётов — рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

«Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики радости. Я, как сейчас, вижу Н., стоявшего немного в стороне: он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: „Это за Кишинёв!“»

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.) Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

²⁶ Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый «Союз».

²⁷ В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев нашёл его и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало его на определённых условиях.

«...Я знал, что ещё в 1907 году кадетская газета „Новь“ в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Луницу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлён, говоря: Как же — ведь газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: Это всё равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более чётко».

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 году вёл в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия принесёт больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чём заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

«...в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены».

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911...1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что, согласно тогдашним русским законам, въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1832 года. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен выезд евреев из СССР в США.) Выступая на митинге, министр продовольствия Герман Леб (вышеупомнутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и Ко) сказал, что расторжение договора — это хорошо, но ещё лучше — переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

«Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей, как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу... Деньги помогут нам добиться этого».

Таких примеров можно привести гораздо больше. Они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей-евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях несомненно существовало. [*]

9. Прошлое и настоящее

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром того «Малого Народа», которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы — религиозные, связанные с верой в «Избранный Народ» и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?

«...Введёт тебя Господь, бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил. И с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, и с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал ...»

(Второзаконие, VI, 6-11)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе; ибо во гневе Моём Я поражал тебя, но в благоволении Моём буду милостив к тебе».

И будут всегда отверсты врага твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их,

Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся».

(Исаия, 60, 10-12)

«И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями».

(Исаия, 61, 5)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих...»

(Исаия, 49, 23)

У кого можно встретить подобные чувства?

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и всё множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда».

(III кн. Ездры, 6, 56)

«Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?»²⁸

(III кн. Ездры, 6, 59)

Именно это мировоззрение «Избранного Народа» явилось прототипом идеологии «Малого Народа» во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией — из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину почти двухтысячелетнюю изоляцию и подозрительное, враждебное отношение к окружающему миру. Конечно, встаёт также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной, задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе «Антисемитизм в древнем мире». Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы примем за данное её конечное звено — рассеяние и изоляцию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего мира, воспринимаемого как «трефа», источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и комментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернить их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешением к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит его убыток — как в случае падежа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя — всё равно что семя скота, акумы — это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник Пурим праздновалось умерщвление евреями 75 000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор — в Израиле по этому поводу происходит весёлый карнавал! Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея!

²⁸ III книга Ездры не входит в еврейский канон: она относится к течению еврейской апокалиптики. Считается, что начало и конец есть вставки христианского переписчика, а центральная часть (откуда взяты цитаты) воспроизводит первоначальный иудейский материал (см., напр. «Библейский словарь» Дж. Гастингса).

Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки, Макс Брод в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, **истребить в одно мгновение** и «в наши дни». Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение — 20 веков!

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким чётточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своём дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетённого положения евреев, говорит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

«Тот факт, что во всех уголках мира выступают с подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась, и дело за игроками».

Если ещё принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь. Или Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трёхлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками ещё до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

«Был бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?»

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, «спасительная ненависть» широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России, — Х. Бялика:

*Пусть сочтется как кровь неотмщенная в ад,
И да роет во тьме и да точит как яд,
Разъедая столпы мирозданья.
Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,
В гортани мира ненасытной;
И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвести, и увядать,
И расцветать ещё могучей;*

*Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твоё;
Не оскверни, как те, водой рыданий
Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой её.
Лелей её, храни дорожке клада
И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада —
И не давай ей пищи кроме яда
Твоих обид и ран твоих и жди,
И возрастет взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод —
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его — и брось его в народ!*

*Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме,
 Что, как дух ваш, черна от пожара,
 И рассыптесь в народах, и всё в проклятом их доме
 Отравите удушьем угара;
 И каждый да сеет по нивам их семя распада
 Повсюду, где ступит и станет.
 Если только коснётся чистойшей из лилий их сада,
 Почернеет она и завянет;
 И если ваш взор упадёт на мрамор их статуй
 Треснут, разбиты надвое;
 И смех захватите с собой, горький проклятый,
 Чтоб умерщвлять всё живое.*

Презрение и брезгливость к русским, украинцам, полякам, как к существам низшего типа, недочеловекам, ощущается почти в каждом рассказе «Конармии» И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрывтым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын — отца («Письмо»), как украинец признаётся, что не любит убивать, расстреливая, а предпочитает затапывать насмерть ногами («Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча»). Но особенно характерен рассказ «Сын Рабби». Автор едет в поезде вместе с отступающей армией.

«И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичьё катило перед собой привычной гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами».

Но тут автор видит знакомое лицо: «И я узнал Илью, сына житомирского рабби». (Автор заходил к раввину в вечер перед субботой — хоть и политработник Красной Армии — и отметил «юношу с лицом Спинозы» — рассказ «Гидали».) Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер, «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я — едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, — я принял последний вздох моего брата».

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же «Февраль» прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

*Моя иудейская гордость пела,
 Как струна, натянутая до отказа...
 Я много дал бы, чтобы мой пращур
 В длиннополом халате и лисьей шапке,
 Из-под которых седой спиралью
 Спадали пейсы и перхоть тучей
 Взлетает над бородой квадратной...
 Чтоб этот пращур признал потомка
 В детине, стоящем подобно башне
 Над летящими фарами и штыками
 Грузовика, потрясшего полночь.*

Однажды, во время налёта на подозрительный дом, автор узнаёт девушку, которую он видел ещё до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он вздыхал, не смея к ней подойти. Однажды попытался заговорить, но она его прогнала... Сейчас она стала проституткой...

Я — Ну, что! Узнали?

Тишина.

— Сколько дать вам за сеанс?

И тихо,

Не раздвинув губ, она сказала: — Пожалей меня! Не надо денег... Я швырнул ей деньги,

Я ввалился,

Не стянув сапог, не сняв кобуры, Не расстегнув гимнастёрки.

Я беру тебя за то, что робок Был мой век, за то, что я застенчив, За позор моих бездомных предков, За случайной птицы щebetанье! Я беру тебя как мщенье миру, Из которого не мог я выйти! Принимай меня в пустые недра, Где трава не может завязаться, Может быть, моё ночное семя Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но чёткой форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты — все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить человека. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной... Такие существа не вызывают сострадания, истребление их — нечто вроде весёлой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесённые ещё одним поколением, дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмигрировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая, О нас, чей взгляд иным теплом согрет. Пусть русский люд ведёт тропа иная, До их славянских дел нам дела нет. Мы ели хлеб их, но платили кровью. Счета сохранены, но не подведены. Мы отомстим — цветами в изголовье Их северной страны. Когда сотрётся лаковая проба, Когда заглохнет красных криков гул, Мы станем у берёзового гроба В почётный караул...

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

*«Народу „богоносцу“ мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля... Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам — погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным, даже не знает, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может освятить мир, он всё ждёт своего часа самодура-палача. И в его тёмном инстинкте это вызывало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю — носителю святости живой».*²⁹

Под конец приведём выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

«Не премолчи, Господи, вступишь за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим — Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут

²⁹ Автор, по-видимому, совершенно не чувствует иронии того, что он обвиняет в «порывах ненависти» кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ».

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые стихи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по «процессу сионистов», другие помнят черту оседлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо ещё раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдывает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на её историю влияли.

* * *

Начиная с пореформенных 60-х годов в России у всех на устах появилось слово «революция». Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак — стал формироваться «Малый Народ» со всеми присущими ему чертами. Создавался новый тип людей, вроде молодого человека (о нём рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: «Я отщепенец», или Ишутинского кружка «Ад», в программе которого стояло: «Личные радости заменить ненавистью и злом — и с этим научиться жить». Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было отрывать человека от его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще всё было с массой еврейской молодёжи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням; когда враждебная отчуждённость от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведённых выше отрывках, вероятно, испытывали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на неё особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то, возможно, успели бы укрепить какие-то связи между евреями и остальным населением, отчуждённость, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько поколений нужно, чтобы стёрлись следы двадцативековой традиции? — но нам практически не было дано ни одного, прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с «эмансипацией», началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из таких слоёв еврейства, где вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать «гойскую науку» и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение двух кризисов оказало решающее воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (всё по той же книге «Россия и евреи»):

«И, конечно, не случайно то, что евреи, так склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своём большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям».

И как закономерное следствие:

«Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильничество, казалось, чуждые народу, далёкому от физической воинственной жизни, вчера ещё не умевшие владеть ружьём, сегодня оказались среди начальствующих головорезов».

Эта примечательная книга кончается словами:

«Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет».

Но нашлось течение, выбравшее именно третий, «невозможный», с точки зрения автора, путь. Не только нелюбовь к родине, а полная отчуждённость, активная враждебность её духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно; оно создало «Малый Народ», который по своей действенности превзошёл все другие варианты этого явления, возникшие в Истории. [*]

10. Заключение

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание, которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создаётся тот болезненный национальный комплекс, на счёт которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертон в современной литературе «Малого Народа», раздражённые выпады против русских и русской истории.

Но для нас — русских, украинцев, белорусов... — этот сгусток больных вопросов жгуче современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодёжи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты — из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмостков услышать слово правды. В любом случае крутит плёнки с песенками Галича и Высоцкого, Но отовсюду на неё льётся, ей навязывается как вообще единственно мыслимый взгляд та же идеология «Малого Народа»: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже к русским именам; концепция — «в этой стране всегда так было и быть ничего хорошего не может», образ России — «Страны дураков». ³⁰

И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техникой обработки мозгов растерянная молодёжь оказывается АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для неё авторитетом, её не предупредит, что она имеет дело просто с новым вариантом пропаганды — хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «Малого Народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен выработать против него иммунитет, обострить наше

³⁰ Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы не всегда могут себе позволить такой силы выражений, как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих параграфах. Обычная форма такова, что можно ещё и поспорить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша вообще не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена — коренные русские сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает.

зрение, научить различать этот образ — но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних и другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую «Малый Народ» играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчётливо провозглашённые идеалы — утверждение психологии «перемещённого лица», жизни без корней, «хождение по воде», то есть **ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ**. И в то же время при первой возможности — безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв, приведённый в самом конце предшествующего параграфа: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанным на любви к родине, — он логически адресуется ко всему «Малому Народу». Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они сверх этого хотят определить её судьбу, составляют для неё планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории «Малого Народа», именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии «Большого Народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив и ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Казалось бы, с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы «Малого Народа», которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной мысли, не апелляция к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причём присущей всем историческим вариантам «Малого Народа».

Такая очень специфическая деятельность по «направлению общественного мнения» сложилась, по-видимому, уже в XVIII веке и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного внимания на некоторых событиях или людях, чаще всего обличениях некоторых сторон окружающей жизни — от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблачённая Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было) — до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. «Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и живым книгам, если только это — свои», — говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке.³¹ «Эта же клака, поставляемая „обществами“, так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакёры не знают друг друга, и часто каждый из зрителей принимает их за публику». «Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, — могли выдержать издания, найти дюжину читателей; а между тем все их читали или по крайней мере покупали и о них говорили. Могут сказать — такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?» Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как учёного, слава композитора Шёнберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского...

Таким образом, логика, факты, мысли — одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если у кого такой опыт есть — то именно у

³¹ Клака — люди, нанятые для аплодирования артистам или освиствывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля. — Ред.

нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению «Малого Народа». Наш опыт трагический, но и глубочайший, — несомненно изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ — облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплёвана, чтобы её столкнули на дорогу крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодёжи от навязываемого комплекса обречённости, от внушаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования — и только опираясь на них, историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты «Малого Народа» часто подчёркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство — и в этом они, видимо, правы. Но, значит, если, по их советам, внезапно полностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно ещё длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую конкретно роль — может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим общественным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным — равно как не обязано быть и плодотворным, Государство способствовало закреплению крестьян в России в XVII-XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX веке. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий, осуществлённых благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введённое в России в конце XIX — начале XX века, было на уровне современного западного, а если сравнивать с фазой промышленного развития страны — то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединённых Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и у других сил, действующих в жизни народа: партий, церквей, национальных течений и т. д., есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазн). Для государства — это попытка подчинить своей власти души граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти со всех вопросов — всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведёт к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выраставших, проверявшихся, отбирившихся и пришлифовывавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения и есть та сила, которую мы можем противопоставить «Малому Народу», которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера, как вера в то, что судьба человека и судьбы народа нераздельны в своих самых глубоких пластах и сливаются в роковые минуты истории; как связь с землёй — землёй в узком смысле слова, которая родит хлеб, и с Русской землёй. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на наше будущее, За неё-то и идёт борьба с «Малым Народом», кредо которого угадал ещё Достоевский: «Кто проклял своё прошлое, тот уже наш — вот наша формула!»

[*]

Человек рождается и умирает, как правило, среди своего народа. Поэтому его окружение воспринимается им как нечто совершенно естественное и обычно не вызывает никаких вопросов. На самом же деле народ — одно из поразительнейших явлений и загадок на нашей Земле. Почему возникают эти общности? Какие силы поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приёмы «понимания» современной науки вообще неприменимы. Легче указать, зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой «живого вещества», зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще — подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нём. Аналогично «биологической среде», народ — это «социальная среда обитания» человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не по нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим бездумным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его «среды социального обитания» — народа. Мы сказали, что даёт народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлагивается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мёртвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее, исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодёжь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает...

Таков конец, к которому толкает «Малый Народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «Большого Народа». Поэтому создание оружия духовной защиты от него — вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

1978—1983 гг.

Русофобия: Десять лет спустя

Журнальный вариант

За последние годы мы стали свидетелями и участниками поразительного явления, которому я, по крайней мере, не вижу прецедентов в истории. Марксистско-ленинско-сталинско-брежневский строй был безжалостным и античеловечным железобетонным монолитом. Единственным его абсолютным принципом было сохранение власти любой ценой. И вдруг он рассыпался без видимых причин: проигранной войны, забастовок, волнений или голода. При этом строе на праздничные дни в учреждениях опечатывались пишущие машинки, чтобы не дать печатать листовки, и назначались патрули для ловли несуществующих злоумышленников. И этот же строй без сопротивления отказался от господства над экономикой, цензуры, от бутафорских выборов, допустил враждебные ему партии и средства информации. Это была не медленная

эволюция, а мгновенный (в историческом масштабе) крах. Он перевернул всю нашу жизнь и взгляды. Относительный вес разных факторов, связи их друг с другом — всё стало иным.

Ввиду этого я и возвращаюсь к теме моей старой работы — «РУСОФОБИЯ». Она была написана более десяти лет назад, в период безраздельного (и, как казалось, почти вечного) господства режима. Мне и в голову не приходило, что работа сможет быть напечатана при моей жизни. После долгих колебаний мы с друзьями решили распространять её в самиздате, надеясь, что из десятков экземпляров хоть несколько уцелеет и донесёт до потомков это свидетельство о нашем времени.

Жизнь оказалась переполненной сюрпризами. Во-первых, и тогда, в 1982 году, работа стала распространяться в Самиздате довольно бойко. А потом началась «перестройка» и «гласность», работа печаталась, да и не одним только изданием³², даже переведена на несколько языков. Благодаря этому на неё возникло много откликов, напечатанных, прочитанных по радио или в виде писем автору. Эти отклики тоже дают материал для анализа явления, рассматриваемого в работе.

Приведу для удобства читателя краткое резюме основных положений «Русофобии».

1. В нашей публицистике и литературе существует очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики: «Россия — рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью». Для обозначения этого течения и используется термин «руссофобия». Оно смертельно опасно для русского народа, лишая его веры в свои силы.

2. Руссофобия — идеология определённого общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу. Его идеология включает уверенность этого слоя в своём праве творить судьбу всего народа, которому отводится роль материала в руках мастера. Утверждается, что должна полностью игнорироваться историческая традиция и национальная точка зрения, надо строить нашу жизнь на основе норм западноевропейского, а особенно американского общества.

3. Аналогичный узкий слой, враждебный историческим традициям остального народа и убеждённый в своём праве манипулировать его судьбой, возникал во многих ситуациях. Его очень ярко описал французский историк О. Кошен в связи с Великой Французской революцией. Кошен назвал его «Малым народом» (противопоставляя остальному — «Большому народу»). Тот же термин используется в работе для всех вариантов этого явления. В качестве других явлений приводится Английская революция (пуритане), Германия 30-х гг. XIX века («Молодая Германия», «младогегельянцы»), Россия периода «революционной ситуации» — 70-е гг. XIX века.

4. В литературе современного «Малого народа» поражает, какую исключительную роль играют еврейские национальные проблемы. Это, как и ряд других признаков, указывает на то, что в нём есть влиятельное ядро, связанное с некоторым течением еврейского национализма. Ситуация драматизируется реминесценциями той роли, которую играло течение радикального еврейства в подготовке, осуществлении и закреплении революции. Тем не менее «Малый народ» отнюдь не является национальным течением: в нём участвуют представители разных наций (как и социальных слоёв). Точно так же, как и наша революция ни в коей мере не была «сделана евреями»: процесс начался в эпоху, когда ни о каком еврейском влиянии не могло быть и речи.

Полная замена всех основ и скреп нашей жизни привела к тому, что влияние на жизнь рассматриваемых в работе явлений стало совсем иным. Появилась возможность по-новому взглянуть на них, да и проверить ещё раз выводы работы.

I. Руссофобия сегодня

³² «Вече» (Мюнхен). 1988. «Кубань». 1989. №№ 5...7, «Наш современник», 1989, №№ 6 и 11 и ряд отдельных изданий.

В своей старой работе я вынужден был реконструировать, отгадывать то явление, которое окрестил русофобией, по отдельным статьям самиздата, по эмигрантским публикациям. Теперь, при полной гласности, при слиянии нашего и эмигрантского книжного рынков, таких трудностей не существует. И течение, о котором тогда можно было лишь догадываться, что оно окажет влияние на жизнь в будущем, сейчас становится мощной и явной силой. В новых условиях само явление становится новым. Вот для начала пример:

Холуй смеётся, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.
То вид отечества: гравюра,
На лежаке солдат и дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
То вид отечества: лубок.
Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей — куча на полу.
Луна сияет, зренье муча,
Под ней — как мозг отдельный — туча.
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Вероятно, я мог бы процитировать это и 10 лет назад. Но тогда — что было в этом значительного? В своих антипатиях человек не волен, а форма их выражения — всего лишь личная особенность автора. Но сейчас мы со всех сторон слышим, что автор — И. Бродский — величайший русский поэт современности, заслуженно увенчан Нобелевской премией, а стихи его возвращаются на родину (хотя применимость такого термина здесь, пожалуй, сомнительна). Социальная значимость этого произведения стала совсем иной.

Вот пример из прозы. «В этой стране пасутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко пробираются шелудивые жители. (...) В этой стране было двенадцать миллионов заключённых, у каждого был свой доносчик, следовательно, в ней проживало двенадцать миллионов предателей. Это та самая страна, которую в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя»; «Я привык стыдиться этой родины, где каждый день — унижение, каждая встреча — как пощёчина, где всё — пейзаж и люди — оскорбляет взор». Написано в 70-е годы, но даже не знаю, было ли опубликовано тогда. Теперь же распространено большим тиражом («Библиотека „Огонёк“»). Автор Б. Хазанов (Г. Файбисович) издаёт (вместе с К. Любарским и Э. Финкельштейном) в ФРГ журнал „Страна и мир“, ориентированный в духе приведённых цитат.

Таков «ветер перемен». В частности, почти всё, что я цитировал в старой работе из самиздата, теперь нахлынуло сюда массовыми тиражами. С отменой глушителя радиостанцию «Свобода» слышно 24 часа в сутки в любом месте — всё её вещание накалено этой страстью. Русские («русский шовинизм») — виновники голода на Украине, русское сознание в принципе утопично, русские вообще — не взрослые. И до полной потери приличия нескрываемый восторг по поводу всех бед нашей страны: разрухи, междоусобиц, близкого голода.

Газеты, журналы, телевидение всё более подчиняются этому течению. Известный окрик с самых верхов власти — что мы живём плохо, так как русские ленивы — был подхвачен с сочувствием. Например, журнал «Наука и техника» — где тут место идеологии? Но: «Развитие кооперативов усилит имущественное неравенство. Один человек талантлив и трудолюбив, другой ленив. Так было, есть и будет, пока не исчезнет лень — одна из черт русского характера». Тут уже предопределена и национальная раскладка этого

имущественного неравенства. Другой вариант: «Несомненно, что крепостное право не могло выработать рабских черт характера у крепостного крестьянина». Может быть, проверим у Пушкина? Вот типичный крепостной — Савельич. Но не согласный с Пушкиным автор зато нас утешает, указывая надежду на будущее: «Ведь во Всероссийской политической стачке 1905 года участвовали дети бывших крепостных. Как изменилась психология за 44 года!» Это ведь ужас, в эпоху какого помрачения разума мы живём! Считать рабами тех, кто создал наши сказки и песни, кто насмерть стоял под Полтавой и Бородино! А свободными душами — тех, кто пошёл за полуграмотными, злобными, нравственно ущербными крикунами, приведшими их — теперь уже все видят, куда. Победоносцеву пишет один его корреспондент в 70-е гг., как «нигилист» агитировал мужика: бери топор, и всё, что сегодня барское, завтра будет твоё. Мужик в ответ: а послезавтра? И объясняет: если я не вор, не убийца, пойду грабить и убивать, так почему ж ты-то у меня награбленное не отберёшь? Ведь этот уж настоящий крепостной (всего лет 10 до того освобождённый) видел нашу историю на полвека вперёд, видел то, о чём не подозревали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Михайловский, Милуков. Но всё равно — «раб».

Для более убедительного доказательства этого тезиса ещё один автор спрашивает: почему не «безбожный Запад», а Россия допустила «избиение церкви государством? Как глубоко религиозный народ допустил физическое истребление за один год Советской власти (1919 г.) 320 тысяч военнослужащих (см. „Комсомольскую правду“ от 12 сентября 1989 г.)». Толстый журнал («Октябрь») пишет об одной из величайших трагедий нашей истории с фельетонной беззастенчивостью. 300 тысяч — это примерная численность всего духовенства — белого и чёрного — до революции. И, конечно, оно не было всё истреблено за один год, его истребляли ещё лет 20. Действительно, к началу войны (1941 г.) из этого числа служила едва ли одна двадцатая часть, но остальные далеко не все и даже не в большинстве своём были «физически истреблены». Если же сравнивать с Западом, в 20-е годы в Мексике прокатилось гонение на католическую церковь не мягче нашего. Священника, застигнутого за исполнением требы, расстреливали, за крестик сажали в тюрьму. Поднявшихся на защиту своей веры крестьян вешали, расстреливали, запирали в концлагеря. Организаторами были американизированные дельцы и адвокаты, финансируемые из Штатов, американский атташе давал советы по проведению политики «выжженной земли» и созданию концлагерей (американцы уже имели опыт на Гавайях). Запад не только дал раздавить крестьян, но свободная пресса ещё и замолчала всю эту драму — так, что о ней мало кто и знает. (Сейчас переведён яркий роман Г. Грина «Сила и слава» об этом гонении и путевые заметки Грина «Дороги беззакония». Но самое сильное впечатление — от сухого рассказа историка, например, J. Meyer «Apocalypse et revolution en Mexique» Paris, 1974.) Неужели мало нам перенесённых мучений и надо ещё представлять нас какими-то выродками в человечестве, хватая для этого факты с потолка?

Другой автор и совсем без фактов, ещё откровеннее: «Русский национальный характер вырожден. Реанимировать его — значит вновь обречь страну на отставание». У третьего ещё хлеще: «Статус небытия всей российской жизни, в которой времени не существует». «Россия должна быть уничтожена. В том смысле, что чары должны быть развеяны. Она вроде и уничтожена, но Кашеево яйцо цело». И уже совсем срываясь: «Страна дураков... находится сейчас... в состоянии сволочного общества». Про русских: «Что же с ними делать? В переучение этого народа на жизнь ради жизни (таков язык подлинника!) поверить трудно. В герметизацию? В рассеивание по свету? В полное истребление? Ни одного правильного ответа». И на том спасибо!

Кажется, что существование русского народа является досадной, раздражающей неприятностью. Доходит до чего-то фантастического! В «Литературной газете» опубликовано письмо известного артиста Театра на Таганке В. Золотухина. Раньше эта газета написала об «омерзительном зрелище», в котором он участвовал, процитировав рядом некие слова «о чистоте крови» (произнесённые в месте, где Золотухин не был). Актёр стал получать письма с обвинением в беспринципности, в том, что он — «враг еврейского народа». Такие же письма вывешивались в театре. За что? Оказывается, за то,

что на 60-летнем юбилее Шукшина, у него на родине, Золотухин сказал — у нас есть живой Шукшин, живущие Астафьев, Распутин, Белов, и мы не дадим перегородить Катунь плотинной! Не было бы это напечатано, я бы не поверил!

Та или иная оценка России, русского народа всегда связана с оценкой его культуры, особенно литературы. И здесь аналогичная картина, Например, «Прогулки с Пушкиным» Синявского я упомянул вскользь ещё в моей старой работе, тогда это был небольшой скандал в эмигрантской среде.³³ Теперь же «Прогулки» печатаются здесь в многотиражном журнале. Как ни объяснять их происхождение: желанием ужалить русскую культуру, патологическим амбивалентным отношением любовь-ненависть к Пушкину, стремлением к известности через скандал — у читателя всё равно остаётся чувство, что нечто болезненное и нечистое соединяется с образом того, кто до сих пор озаряет светом нашу духовную жизнь. В статье об этих «Прогулках» Солженицын обратил внимание на признаки такого же «переосмысливания» Гоголя, Достоевского, Толстого, Лермонтова и высказал догадку: не закладывается ли здесь широкая концепция — как у России не было истории, так не было и литературы? И угадал! Уже в последние годы в здешнем журнале встречаем: «Вот у Гоголя тоска через несколько строк переходит в богатство, как у Пушкина — разгулье в тоску. Так они и переливаются, жутко сказать, из пустого в порожнее, из раздолья в запустенье — на всём протяжении русской гордящейся мысли. Пустота, неутолимый наш соблазн, сама блудница вавилонская, раздвигающая ноги на каждом российском распутье». И дальше отрывок из Блока: «О, Русь моя, жена моя!..» Очередь дошла и до Солженицына. Синявский, его соредатор по журналу Розанова, Сарнов, В. Белоцерковский и многие с ними заняты этим делом. Недавно в «круглом столе» журнала «Иностранная литература» было высказано много серьёзных упреков литераторам, что боятся они (кого или чего — интересно?) разьяснять бесталанность и реакционность Солженицына. Но раньше уже отличился Войнович целым романом — грязным пасквилом на Солженицына.

«Помрачение рассудка», «пятая колонна советской пропаганды», «проповедь о великорусском национализме» и «черносотенные инсинуации» — это В. Белоцерковский о Солженицыне, в таком же точно духе, что давние доносы Биль-Белоцерковского на Булгакова! И других современников не минуло. «Главное — в астафьевском мировоззрении, основная черта которого, на мой взгляд, — беззастенчивость». «Примитивный, животный шовинизм, элементарное невежество» (о нём же). «Мракобесие Распутиных...». «Белов лжёт...». «„Лад“ — ложь». Так: от Пушкина до наших дней.³⁴ Шире литературы — язык. Из совсем недавнего (кстати, ещё нам не встречался Тургенев, вот и он пригодился). «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе нашей страны невольню спросишь себя: что это за народ, который одновременно истово клянётся, что „мать“ — это самое святое слово, и это же слово так прочно соединил в своём великом и могучем языке с грязным ругательством, что и само оно сделалось почти неприличным?»

Наиболее типичная в этом потоке литературы повесть В. Гроссмана «Всё течёт». Если 10 лет назад я мимоходом упомянул о ней как о малоизвестном произведении, но предтече всего направления, то сейчас она широко опубликована и подкреплена публикацией тоже ранее неизвестного яркого романа Гроссмана «Жизнь и судьба», а особенно его колоссальной рекламой. Схема повести: герой, выйдя из лагеря, пытается осознать происшедшее с ним и страной. Виновен Сталин? — нет, он приходит к мысли, что многие отталкивающие черты восходят к Ленину. Значит, Ленин? Нет, герой идёт глубже. В конце

³³ Пользуясь случаем, хочу исправить допущенную в прежней работе ошибку. Синявский был осуждён не на 5 лет, а на 7, из которых отсидел 6.

³⁴ Чувствуется, что здесь не хватает Блока. В последний момент я нашёл и о нём. Один автор в эмигрантском журнале «Грани» умиленно объясняет, чем мы обязаны И. Бродскому. Оказывается, автор никогда не любил Блока, но стеснялся этого. А вот Бродский в беседе с Соломоном Волковым («Континент», № 53) смело сказал: «Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше — активно (...) за дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих отношениях чрезвычайно подлый». И тем снял тяжёлый груз с души автора.

книги он излагает своё окончательное понимание. Причина — в «русской душе», «тысячелетней рабе». «Развитие запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России — ростом рабства». Сто лет назад в Россию была занесена с Запада идея свободы, но её погубило русское «крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной силы царской водке, оно растворило металл и соль человеческого достоинства». И в других странах иногда торжествовало рабство — но под влиянием русского примера. «По-прежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Да и была ли она? Какая же загадка в рабстве?» В повести как будто с сочувствием описываются крестьяне, мрущие от голода при коллективизации. Но в конце читатель понимает: это их собственная рабская душа заморила их, да ещё насаждала рабство вне их страны. Такая концепция глубинного отрицания России и всей её истории встречалась мне до того лишь однажды — в основном идеологическом произведении национал-социализма — «Миф XX века» Розенберга. Там та же схема русской истории. Русские — неполноценные, природные рабы. Их государство создали немцы-варяги. Но постепенно растворились, потеряли расовую чистоту. Результат — монгольское завоевание. Второй раз германцы создали русское государство и культуру в послепетровское время, и опять их захлестнула расово-неполноценная стихия. Концепция Розенберга последовательнее, так как явно формулирует практическую цель: новое завоевание России и германское господство, застрахованное на этот раз от растворения высшей расы неполноценным народом!

Повесть Гроссмана подводит к самому злободневному вопросу, осмыслению революции и последовавшей цепи трагедий. Ещё 10 лет назад вопрос казался лишь темой для рассуждений идеологов, теперь же он встаёт перед каждым. И звучит ответ, уже давно заготовленный, но сейчас внедряемый мощью средств массовой информации: причина в русской традиции, русской истории, русском национальном характере (как у Гроссмана).

Тут Россия предстаёт даже злой силой, загубившей западные (марксистские?) идеи (растворила, «как царская водка» по Гроссману), «идея социализма, пришедшая к нам с Запада, пала на глухую, придавленную вековыми традициями рабства почву». Россия «дискредитировала сами идеи социализма». Не даром возникший у нас строй называют то «социализмом» (в кавычках), то псевдосоциализмом. «Разве вяжутся с социализмом тюремная организация производства и жизни, отчуждение, крепостное право в деревне?» Да почему же не вяжутся? Наш строй до парадоксальных подробностей совпадает с картинами будущего социалистического общества, кто бы их ни рисовал. Даже посылка горожан в деревню на уборочную была предусмотрена — именно так «классики» представляли себе «преодоление противоречия между физическим и умственным трудом».

Конкретнее, причину ищут в мужике. «Идея коллективизации чем-то напоминала (крестьянам. — И.Ш.) хорошо знакомую и близкую коллективность». «Предрасположенность добуржуазного крестьянства к коллективному хозяйству». «Большинство крестьян примирилось с коллективизацией». Да откуда вы знаете, что они примирились? Только потому, что Рыбаков не захотел описать, как это «примирение» вылилось в тысячи восстаний, усмирявшихся пулемётами? Среди наших подъяремных философов А. Ципко первым, кажется, отважился напомнить о марксистском фундаменте революции (хотя нам, правда, с другими акцентами твердили об этом десятилетиями). Он даже как будто полемизирует с предшествующим автором: «модный ныне миф о крестьянском происхождении левацких скачков Сталина, в том числе и коллективизации» — и указывает на тождественность идеологии Сталина, Ленина и других марксистов, вплоть до Маркса. Но он очень обеспокоен тем, что «волна обновления... связана с основными нашими святынями — с Октябрём, социализмом, марксизмом». В результате «истоки сталинизма в традициях русского левого радикализма». Но если Сталин мыслил по Марксу? Тогда в каких традициях истоки марксизма? Недавно тот же автор писал в газете: «Катастрофа, которая произошла в 1917 году, была с энтузиазмом воспринята всем народом». А четыре года гражданской войны, Антоновское, Западно-Сибирское, Ижевское, Тульское, Вологодское восстания? Известный земец С. С. Маслов писал в начале 20-х годов: «Крестьянство борется неустанно и ожесточённо. Страшная расплата за борьбу, выражающаяся в уничтожении артиллерией и истреблении огнём деревень и станиц, в

массовых расстрелах, пытках... его не останавливает». О Сибирском восстании: «В сражениях принимали участие дети, женщины, старики».

Но так и остаются русские у всех авторов виновными, народом-преступником. «Неспособность русской нации к пересмотру прошлого и признанию своей вины...» «Только равноправное экономическое содружество народов и может снять с народа русского подозрение в превосходстве» (таков уж слог!). То есть русские рассматриваются как амнистированный преступник, который ещё должен хорошим поведением доказать, что исправился.

Казалось бы, хоть победа в последней войне, купленная даже не поддающимися пересчёту жизнями русских и спасающая весь демократический мир, могла бы вызвать снисхождение к русским. Но нет, легче сменить отношение к Гитлеру. «Россия преподала миру чистые формы тоталитарной власти», а «современная политология даже фашистскую Германию считает не чисто тоталитарным, авторитарно-тоталитарным государством». Опоздали вы, критики России! Вам бы в 1942 год явиться и объяснить, что идёт война тоталитарной власти против всего лишь авторитарно-тоталитарного государства. Нашлась бы заинтересованная аудитория для живой дискуссии — даже во всём мире.

Всё настроение не ново — и в старой своей работе я приводил много таких примеров. Но сейчас оно уже тесно смыкается с реальностью. «Реторта рабства» — Россия — естественно, должна быть уничтожена, так чтобы, уж не поднялась. В первую мировую войну тёмный авантюрист Парвус-Гельфанд представил немецкому генштабу план бескровной победы над Россией. Он предлагал не скупясь финансировать революционеров (большевиков, левых эсеров) и любые группы националистов, чтобы вызвать социальную революцию и распад России на мелкие государства. План и начал успешно исполняться (Брестский мир), но помешало поражение Германии на Западе. Похожие идеи обсуждались и Гитлером. Но теперь такие планы разрабатываются и пропагандируются у нас. Разбить страну на части по числу народов, то есть на 100 частей, любой территории предоставить суверенитет «кто сколько переварит», как выражаются наши лидеры. Здесь уже речь идёт не о тех или других территориальных изменениях, а о пресечении 1000-летней традиции: о конце истории России. И это логично: раз народ, создавший это государство, «раб», раз «Россия должна быть уничтожена», то такой конец — единственный разумный выход. Все возражения — это «имперское мышление», «имперские амбиции». И вдохновлённые такой идеологией, политики раздувают за спиной друг друга сепаратистские страсти как диверсанты, взрывающие дом в тылу врага. То, что 10 лет назад было идеологическим построением, теперь стало мощной, физической разрушающей силой.

В прежней работе я обратил внимание на концепцию эмигранта-советолога А. Янова: Россия не может сама выработать план своего развития, за неё это должно сделать «западное интеллектуальное сообщество». Янов сравнивает эту задачу с той, которая стояла перед советниками генерала Макартура, командующего американской оккупационной армией в Японии после конца II мировой войны. Тогда эта идея показалась мне характерной как символ, знак того, что русофобские авторы мыслят уже в рамках концепции оккупации. Но сейчас бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе вполне по-деловому заявляет, что положительно относится к участию войск ООН в решении конфликтов внутри СССР («Правда», 21.IV.91 г.).

На мрачном фоне нашей жизни есть, однако, нечто положительное: череда драматических событий даёт материал для сопоставления их с некоторыми из обсуждавшихся выше идей — появилась возможность экспериментальной проверки. Например, такой центральной для всего течения концепции, как «русский фашизм». «Русская идея реализуется как фашизм», «русские — расисты». Как выразителей тенденций всего народа часто выбирают писателей-«деревенщиков». Писатели-«деревенщики» — расисты, это любимая тема радио «Свобода». «Разве Белов, Астафьев — националисты?» — спрашивает Померанц. «Для них москвич — чужак, почти иностранец; женщина, которая увлекается аэробикой, — шлюха. Бред, но он отвечает сознанию нескольких десятков миллионов, выданных из деревни и распаханных по крупноблочным и крупнопанельным сооружениям». «Почвы нет, а есть движение новых варваров,

внутренних „грядущих гуннов“». Другой автор: «Та мораль, которую несёт Астафьев, есть доведённая до анекдота, но типичная для всего движения смесь: декларируемой любви — и осуществлённой ненависти». «Черномазыми» кличут по России человека вида нерусского, а тем паче кавказского, торгаш он или не торгаш, неважно; а ещё кличут «чучмеком» и «чуркой», если он по виду из Средней Азии». Автор якобы сам слышал, как дворники у одного универмага говорили, что «черномазых» надо давить, как тараканов. Теперь страсти разыгрались, власть ослабла, и мы могли бы видеть, как русские фашисты преследуют и громят «чучмеков». Но вот жалуется «русифон» (русскоговорящий) из Кишинёва: «В моём подъезде начертано крупно: чушки, уходите домой. Чушки — уличный синоним русифона». Не русские же скандировали в Кишинёве: «Чушки, проводите свой митинг в Сибири», — и кто-то другой забил насмерть русского юношу за то, что на улице говорил по-русски. Не русские несли плакаты: «Мигранты, вон из Литвы», и это эстонский народный депутат написал, что русские произошли от женщин, изнасилованных татарами. Убивают друг друга азербайджанцы и армяне, грузины и абхазцы, грузины и осетины, громят месхов узбеки, но не слышно, чтобы кого-то убивали русские, зато погромы русских были в Алма-Ате, Душанбе, Туве. А беженцы любых национальностей стекаются в Россию, особенно в Москву. Можно сказать, какие же русские свойства здесь проявляются? Беженцы сами едут в Москву — что же с ними делать? Но ведь не всегда так мирно обходится. Например, когда в 1921 году голодные беженцы из России хлынули в Грузию, там был поставлен вопрос о закрытии границы. Наверное, были в последние годы и такие столкновения, где инициаторами явились русские, но общий характер событий, кажется, никак не соответствует образу «русских фашистов». Концепция «русского фашизма» прошла первую экспериментальную проверку...

Б.Хазанов пишет: «Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заражена ненавистью. Берегитесь, когда создаются крики о русофобии: вам хотят сказать, что русский народ окружён врагами». Но послушаем и другую точку зрения! Это написал Розанов в 1914 году, когда наш 74-летний эксперимент был ещё в стадии подготовки: «Дело было вовсе не в „славянофильстве и западничестве“. Это — цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и — в существе своём — ошибку истории, суеверие, пережиток, то, чего нет (...).

Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена. России собственно — нет, она — кажется. Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещённых людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаёмся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только „средство“, „материал“, „вещество“ для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщённо именуется „Европейской цивилизацией“. Никакой „русской цивилизации“, никакой „русской культуры“... Но тут уж дальше не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о „русской цивилизации“, „русской культуре“ — сводила с ума, парализовала душу».

II. «Малый народ» сегодня

Отличительный признак «Малого народа» во всех исторических ситуациях — его совершенно особенное отношение к остальному народу, как будто к существам другой, низшей природы. И сейчас леворадикальный политик говорит: «Они живут по-свински, и что самое страшное, довольны этим». Экономист советует купить «им» на миллиард дешёвого ширпотреба — на несколько лет «они» будут довольны. Так говорить мог только англичанин о неграх — да и то в прошлом веке. Авторы явно ощущают себя не внутри, а вне этого народа. Вот идеально чёткая формулировка: «Два народа растягиваются к

противоположным полюсам, чтобы ещё раз схватиться. Один народ явно многочисленнее, непоседливо-непримирим, плотояден и груб — это все прошлые и нынешние вожди партии, сам „аппарат“, идейные сталинисты, идейные националисты, славянофилы и с ними вся необъятная Русь — нищая, голодная, но по-прежнему видящая избавление от всех бед только в „твёрдой руке“, в „хозяине“, в петлях и тюрьмах и иконе-вожде. Другой народ чрезвычайно малочисленен. Он видит избавление в уничтожении власти бюрократии, в свободном и демократическом государстве».³⁵

Мировоззрение этого течения не отягчено излишними сложностями: ни гегельянской фразеологией, ни рассуждением о превращении гвоздей в шпатель, ни призывами «штурмовать небо» или картиной прыжка из царства необходимости в царство свободы. Его можно назвать «идеологией велосипеда», ибо оно прекрасно выражается простым и бодрим призывом: «не будем изобретать велосипед!». Предполагается, что где-то уже готова несложная схема, следуя которой и нужно смонтировать нашу жизнь. Любой из них, вероятно, был бы глубоко обижен, если бы его духовную жизнь по сложности сравнили с устройством велосипеда. Но проблемы громадной страны, населённой сотней народов, с историей, уходящей вглубь на тысячелетия, с многогранной культурой, они призывают трактовать на таком уровне.

Люди подобных взглядов у нас обычно называют себя «левыми». Это очень старый термин, он во всех случаях определяет чётко очерченный тип. Так Троцкий был левее Зиновьева, Каменева и Сталина, потом Троцкий, Зиновьев и Каменев — левее Сталина и Бухарина и, наконец, Сталин оказался левее Бухарина. До революции эсдеки были левыми, но среди них большевики — левее меньшевиков. Левыми были и эсеры, но среди них «левыми» назывались союзники большевиков по Октябрьскому перевороту. Термин «левый» устойчиво характеризует определённую жизненную установку. Язык — не «знаковая система», где можно обозначить любое понятие любым знаком: между понятием и выражающим его словом существует глубокая связь. По поводу слова «лево» Даль приводит выражения: «Левой ногой с постели ступил», «левизна: неправда, кривда». «Твоё дело лево: неправо, криво». Смысл нарушения норм, отклонения от закона тесно связан с «левым», например, современное: «левый заработок». Латинское слово *sinister*, означает левый, испорченный, несчастный, пагубный, дурной, злобный. Славянский, германский и литовский термин соответствует латинскому *laevus* что означает левый, неловкий, глупый, зловещий. Сказано о Сыне Человеческом: «И поставит овец по правую свою сторону, а козлов по левую» (Матф. 25, 33). У многих первобытных народов фундаментальную роль играет противопоставление рядов: день, солнце, правое, прямое... — ночь, луна, левое, кривое...

До революции наш «Малый народ» (или можно было бы сказать «Левый народ») не был однозначно партийным. Он заполнял верхи левых партий, но в большой степени был и внепартийным. После революции всё изменилось: одна часть его вошла в правящую партию, другая подчинилась ей как «сочувствующие» и «попутчики», остальные были выброшены из жизни. Так, в замороженном виде, идеология «Малого народа» и была пронесена в теле партии через десятилетия, пока не ожила вновь. Поэтому современный «Малый народ» родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт. Их роднит отчуждение от народа и отношение к нему как к «средству» и «материалу». Ленин пояснял Горькому свой взгляд на «мужика» (80 процентов населения): «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много — и правильно! — шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу». Сюда же относится образ России как «головни», которой можно зажечь мир. Да и Бухарин — как предлагавший переделывать человечество при помощи расстрелов, так и в свой самый

³⁵ Поразительно! Если исходить из концепции демократии, власти большинства (автор — депутат-демократ), то однозначен вывод: надо вернуть «власть твёрдой руки», «хозяина», тюрьмы и икону вождя. Ведь именно такова воля большинства!

мягкий период — исходил из того, что крестьянство надо направлять, преобразовывать, руководить им, отказывая ему в праве на развитие согласно своим собственным традициям и взглядам. Сталинская коллективизация была для партии проблемой не идеологии, но тактики — поэтому она так легко была партией принята. И Хрущёв ли, Брежнев или Андропов, говоря о «нашем государстве», всегда отсчитывали его историю с 17-го года. А до этого было что-то для них «не наше». Я храню опубликованный в «Правде» ответ Брежнева на поздравление с 70-летием. Там нет не только намёка на 1000-летнюю историю государства, в котором он властвует, но даже ни слова об этом государстве вообще — всё только о партии и Ленине, как если бы он был в этой стране чужаком, иноземным завоевателем. Идеология «Малого народа» и партии едина и в убеждении, что виновник всех неудач — народ. У Солженицына Сталин сетует: «Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился». А сейчас наша экономика в кризисе, так как народ ленив. По той же причине эстрадные артисты, особенно любовно вырисовывавшие образ дурака-алкоголика из народа, были высоко ценимы партийными верхами, были увенчаны высшими наградами. Да это и понятно: так утешительно, глядя на талантливо поданный образ этого серого, неумного народа, ещё раз убеждаться, что именно он причина любых неудач.

Но когда «народ» воспринимался не как всё население, а как определённая нация, то это были русские, национальная персонификация, архетип абстрактного «народа». У Троцкого: их основная черта — «стадность», ленинская характеристика: народ «великий только своими насилиями, великий так, как велик держиморда», и так вплоть до сталинской формулы истории России, которая заключалась, «между прочим, в том, что её всё время били...». В этом отношении А. Н. Яковлев выражал фундаментальную партийную традицию в своей статье «Против антиисторизма» (1972) — сигнале к разгрому группы литераторов, заподозренных в русском патриотизме. Логично встречаем в ней и тезис, что «справного мужика» так и надо было «порушить». И совершенно в том же духе в статье «Синдром врага» (1990) он набрасывает свою схему русской истории («Возьмём хоть Россию»): «С кем только не воевала». «Всё это формирует сознание, остаётся в генофонде». «Психологически — наследие отягчающее». Как же жить народу с отягчённым генофондом: ведь гены не перевоспитываются? (Одно утешение, что из школы знаем: приобретённые признаки на генофонд не влияют!) Так сливается идеология «Малого народа» и правящего партийного слоя.

Единство идеологии — причина преданной любви современного «Малого народа» к революционному прошлому и его героям: «бурному, почти гениальному Троцкому» или Бухарину — «человеку, отвергающему зло» (как его назвала одна газета). Особенно же к 20-м годам — эпохе, когда готовился прыжок на деревню, воспитывался слой людей, для которых весь деревенский уклад жизни был отвратителен, подлежал уничтожению. Витает надежда, что недоделанное тогда удастся завершить сейчас: «На дворе двадцатые годы. Не сначала, так с конца». Нам предлагают считать деятелей той эпохи романтиками — быть может, заблуждавшимися — в отличие от чудовища Сталина. Действительно, те люди испытывали некий подъём, прилив энергии: это можно назвать романтизмом, можно — одержимостью. Но ведь такой же подъём давала и романтика «нордической расы»! Казалось бы, следует применять одну мерку к тем, кого судили в Нюрнберге, и к тем, кто уничтожал казаков. Или истребление мужиков это только ошибка романтиков? Интересно вспомнить, как всего года 3 назад левая пресса встала стеной на защиту этих дорогих воспоминаний. «Ни шагу назад от 37-го года!» — было тогда лозунгом дня. «Для чего надо уравнивать преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью (?) революционеров? — Чтобы посеять в душах сомнение в правильности социалистического выбора». Это писалось не в правоверной партийной газете, а в самом популярном левом издании. Когда В. В. Кожинов высказал мысль, что сталинизм — результат всемирного процесса, эта же пресса обвинила его в том, что он хочет этим реабилитировать Сталина. А когда я поддержал и развил его мысль, то моя заметка была уравновешена статьёй Р. Медведева, где он разоблачал страшную тайну, что я хочу бросить тень на лозунг «больше социализма!» (который все они тогда твердили). Моя старая работа

«Арьергардные бои марксизма» была перепечатана здесь, когда все левые идеологи ещё мужественно вели эти бои. Подобных примеров много. Именно мы, «консерваторы», постепенно заставили левое течение отказаться от той фразеологии «заветов Ленина», «социалистических идеалов» и даже, частично, марксизма, которую многие из них сейчас уже патетически клеймят.

Да связь «Малого народа» с партийным правящим слоем видна и на персональном уровне. Кто сегодня их вожди: политические лидеры, идеологи? Это вчерашние деятели партийного аппарата (вплоть до очень высоких), экономисты-специалисты по анализу развитого социализма, идеологи, философы, даже следователи, генералы КГБ, министры МВД! Почти все из них 1-2 года назад были членами КПСС: «коммутанты», по выражению Б. Олейника. Среди них нет почти никого, кто вчера противостоял бы этому правящему слою. Из тех, кто боролся против переброски рек, отравления Байкала, — никто не оказался среди левых лидеров. Даже участники диссидентского правозащитного движения, несмотря на близость многих взглядов, очень плохо принимаются этим слоем. Сахаров был редким исключением, им надо было бы беречь его, как зеницу ока, не вовлекать в сиюминутные свои конфликты.

Переход от ортодоксальной коммунистической к левой фразеологии происходит часто почти мгновенно, что было бы почти невозможно, если бы здесь не было идеологического единства. Так, В. Гроссман писал: «Партия, её ЦеКа, комиссары дивизий и полков, политруки рот и взводов, рядовые коммунисты в этих боях организовали боевую и моральную силу Красной Армии». В войне, по его мнению, «побеждали рабочие и крестьяне, ставшие управителями России». Он даже подписал письмо Сталину, требующее самой суровой кары «врачам-убийцам». (См. Семён Липкин. «Время и судьбы». М., 1990).

Единство так сильно, что одна сторона болезненно чувствует, когда задевают другую. Так недавняя комсомольская, а ныне независимая ленинградская газета «Смена», посвятив целую страницу критике моих взглядов, самыми жирными буквами выделила слова, связанные с утверждением (в моём интервью, напечатанном ранее той же газетой), что дело не в личном противостоянии Ельцина и Горбачёва, а просто — что не будет у нас эффективного руководства, пока оно в руках представителей прежней партийной верхушки. Единство сказывается и в том, с какой лёгкостью «левые» апеллируют к аппарату власти: суду, КГБ — хотя теоретически они его сурово осудили. Парадоксальный пример — Г. Померанц так опровергает моё мнение, что идеология «Памяти» и прибалтийских «фронтов» совпадает: «Правда, официально известно, что одного из лидеров „Памяти“, Васильева, пришлось предупредить насчёт ответственности на случай погрома». Но кому это «пришлось»? — КГБ. Ему же, только называвшемуся МГБ, насколько я знаю, «пришлось» в своё время не только «предупредить», но и отправить в лагерь Померанца. Неужели даже это не мешает рассматривать такое «предупреждение» как весомый аргумент?

Особенность современного «Малого народа» в том, что он уже не в первый раз в нашей истории оказывается одной из решающих сил. Видимо, в связи с этим для него такую болезненную роль играет проблема исторической ответственности, вины. Как странно! Из этого слоя мы часто слышим, что поиски «виноватого», «синдром врага» — это признаки ущербного сознания. Нам разъясняют, что выбитые из жизни, дестабилизированные люди и целые слои народа склонны искать где угодно «козлов отпущения». Но удивительным образом тут же мы слышим, что носителями сталинизма являются низы народа («сталинизм, так сказать, массовый, низовой»), социальной базой Сталина было патриархальное крестьянство, сейчас питомник тоталитарной идеологии — разорённое крестьянство («новые гунны»), в революции виноват народ, русские. Но ведь все эти группы тоже «кто-то» — и почему же их дозволительно делать «козлами отпущения»? Почему это не признак ущербного сознания? Недавно появилась парадоксальная статья сотрудника КГБ, где автор, жалуясь, что его ведомство стало «мальчиком для битья», призывает не искать виноватых, а признать, что виновна «вся нация». Здесь отсутствие логики прямо бросается в глаза, равно как и цель — прекратить разговоры на неприятную тему. Но и в остальных же случаях дело обстоит не иначе.

А ведь проблема «исторической ответственности» очень глубока и важна — и как жаль, что она превратилась в футбольный мяч, который перебрасывается от одного к другому! Всё сводится лишь к тому, чтобы назвать «виноватого» — патриархальное крестьянство, масонов, национальные черты русских или евреев. Но сначала надо было бы обсудить саму постановку вопроса.

Говоря о вине народа, мы пользуемся аналогией народ-человек, так как обычно лишь к человеку применяется понятие вины. Такие аналогии часто продуктивны для постановки вопросов, но опасны как метод для поиска ответов. Всё ведь зависит от того, как далеко простирается аналогия! Можно действительно привести много аргументов в пользу того, что народ — это нечто живое. Даже одухотворённое, так как способно к творчеству — например, фольклора. Но в то же время это «организм», которому в гораздо большей степени присуще бессознательное творчество, чем логическая выработка решений для достижения сформулированной цели. Только рассмотрение множества исторических ситуаций могло бы уточнить, в какой мере такому «организму» свойственно понятие «вины». В нашей революции очень отчётливо выделяется одна фаза, условно — «февральская», когда усилиями тогдашнего «Малого народа» разрушаются «интегрирующие механизмы», позволяющие народу ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергается осмеянию и делается предметом ненависти национальная история, вера, историческая власть, армия. Создаётся множество мифов, внушаемых народу (о колоссальных помещичьих землях, которые могут утолить земельный голод крестьян, об измене двора, всевластии Распутина и т. д.). Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп. Такой процесс больше похож на болезнь, чем на преступление — понятие вины к нему применять трудно. С другой стороны, русская революция была звеном в грандиозном всемирно-историческом процессе, длившемся не одно столетие. В те же годы, что Советская Россия, возникла Советская Венгрия и Советская республика в Баварии, коммунистические партии возникали во всех странах. Западное общественное мнение в большинстве своём приветствовало «блестящий эксперимент». Существенную роль играли устойчивая неприязнь Запада к исторической России, деньги германского генерального штаба, мощный приток сил радикального еврейства в революцию. Все эти внешние факторы надо откинуть, рассматривая проблему «русской вины». Остаётся ли хоть что-то после этого? Чувство говорит мне — что да! Что история не является процессом «по ту сторону добра и зла», где бессмысленно задавать вопрос о вине, как бессмысленно (по любимому сравнению Л. Н. Гумилёва) спрашивать — кто прав: щёлочь или кислота в химической реакции. Есть проблема выбора, в решении которой возможна нравственная ошибка, влияющая на всю следующую историю — то, что Достоевский называл «ошибками сердца». Выделить этот фактор (или убедиться, что его не существует) — было бы очень важно для осознания нашей судьбы.

III. «Малый народ» читает «Русофобию»

Никак я не ожидал, что реакция на мою работу «РУСОФОБИЯ» достигнет такого размера: только отдельных, посвящённых ей статей (у нас и на Западе) мне известно более 30. Сверх того, многочисленные пассажи о ней в статьях, посвящённые ей радиопередачи, множество писем. Критические статьи, письма и передачи исходят, в основном, как раз от того слоя, который я назвал «Малым народом». Внешне различаясь — от корректных до грубо-ругательных, разного уровня культурности и даже грамотности, они основаны на очень единообразном мировоззрении. Было бы жаль не воспользоваться столь обильной информацией об этом слое. Соблазнительно попытаться яснее понять явление русофобии при помощи откликов на «РУСОФОБИЮ».

Русофобия как переживание, чувство особенно ярко проявляется в письмах. «Алкогольно-послушное большинство», «революция, задуманная как освобождение, как истинный социализм, выродилась на русской почве из-за ряда национальных особенностей», «народ, бунтующий за 6— или 8-конечный крест или из-за способа написания имени идола» (намёк на раскол, одним из поводов к которому было изменение

написания имени Иисуса. Так что «идол» — это Христос, чувство выражено серьёзное!). Вот некоторые характеристики из одного только письма: «самовлюблённый дурак: мы на горе всем буржуйам!», «тысячелетие диктатур подорвало интеллектуальный и моральный потенциал масс», «претензии на пуп земли», «народ с упоением самоуничтожающийся», «нищий дебил с атомной бомбой», «герой фольклора Иванушка — дебил есть ли ещё у какого народа?». Последнее хоть проверить можно. У Афанасьева к сказке «Иван-дурак» есть примечание: «Сказка известна во всей Европе, на Кавказе, во всей Азии, на островах Зелёного Мыса, в Америке. Древнейший известный вариант относится к 492 г. и содержится в китайском сборнике Po-yu-king, переведённом с индийского». Сюжет приведён в справочниках всемирно распространённых сюжетов Volte-Polivka, Aarne-Thompson и многих других. Автор, видимо, и не пытался проверить свой взгляд: он был ему заранее известен и факты должны были его подтвердить — иначе, что же это за факты!

Концепция «Малого народа» тоже выражена очень ярко. Один корреспондент пишет, что концепция ему даже нравится, но её надо дополнить одним положением: «А очень просто. Они умнее других». Сопоставим с мыслью предшествующего автора о народе-дебиле. Как же «умные люди» поведут его по пути прогресса? Ведь он элементарной логики не понимает, тут нужны другие средства. (Вот и автор уже посылает на меня жалобу в идеологическую комиссию ЦК — написано-то было ещё в 1989 г.)

В критических статьях поразила меня какая-то пропасть взаимного непонимания; мои аргументы просто не воспринимаются критиками, наши рассуждения движутся в разных, не пересекающихся пространствах. Причём мне кажется, что лишь в некоторых случаях это есть сознательное игнорирование сказанного как полемический приём.

Пример такого загадочного непонимания — обсуждение (множеством авторов) самого явления русофобии. Есть стандартный набор цитат из статьи в статью, в письмах, в записках после выступлений. Это — слова из письма Пушкина о себе самом: «удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница», предсмертная запись в дневнике Блока: «Слопала меня Россия, как чушка глупого поросёнка», «Прощай, немытая Россия» Лермонтова, «В судах полна неправды чёрной» Хомякова, Чаадаев, Гоголь. Авторам кажется убийственным вопрос: «Не зачислите ли Вы и их всех в русофобы?» Всякий раз кажется, что спрашивающие, если бы захотели, смогли бы и сами понять и ответить — а если есть желание не понять, то любые ссылки излишни.

Тут смешиваются отрывки из личного письма и дневниковые записи со статьями и книгами. Но кто будет судить, например, об отношении мужа к жене по словам, вырвавшимся во время ссоры? Когда-то в связи со скандалом, вызванным публикациями Синявского, и в частности «Россией-сукой», в оправдание ему вспоминали, что и Блок-де назвал Россию чушкой. В письме в парижскую «Русскую мысль» один не раскрывший своего имени автор из СССР обратил тогда внимание на то, что Блок написал это в дневнике, а Синявский в журнале «Континент»; Блок — в России, умирая с голоду, а Синявский — в Париже, отнюдь не голодая. И Блок, назвав Россию чушкой, назвал и себя поросёнком, а Синявский, написавший «Россия — Мать, Россия — Сука», не пожелал сделать из этого напрашивающийся о нём самом вывод.

Ещё поразительнее любовь к «немытой России». Авторство Лермонтова не раз ставилось под сомнение, стихотворение впервые упоминается через 30 лет после его смерти, автографа нет. В некоторых дореволюционных изданиях печаталось в разделе «приписываемое». Во всяком случае не его следовало бы привлекать для характеристики отношения Лермонтова к России, столь отличного в других его произведениях. (Для сравнения — пушкинское стихотворное переложение «Отче Наш»: «Отец людей, Отец Небесный...» в последних изданиях его сочинений вообще не упоминается). Недавно я просмотрел ряд учебников литературы за все классы: «Немытая Россия» повторяется дважды — если ученик забыл, чтобы через несколько лет вспомнил. Что же отражает такая сладострастная тяга к этому стихотворению, как не русофобию?

Конечно, было и такое загадочное явление, как Чаадаев, друживший с Пушкиным и писавший: «Мы миру ничего не дали», «мы не дали себе труда ничего создать в области

воображения». Но было и ещё ярче, Печерин: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать её уничтоженья». Что же это доказывает? Только существование русофобии (у Чаадаева — как одной из компонент его загадочного мировоззрения). Так о том и статья.

Конечно, существуют явления, обладающие общими внешними чертами, хотя и совершенно различные. Но ведь разница чувствуется сразу! Когда Гоголь читал Пушкину «Мёртвые души», тот сначала смеялся, потом становился всё печальнее и воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!» Но разве мог бы кто-нибудь сказать, что «Россия грустна», читая роман Войновича, где наши потомки в XXI веке питаются переработанным калом; этот «вторичный продукт» сдают в приёмные пункты, а выполнившие норму получают право в особом чулане предаться рукоблудию. У Гоголя ощущается ужас перед греховностью человека, для него, конечно, — русского человека. Это «критика человека», идущая в глубь его духовной сущности, но основанная не только на сочувствии, но на чувстве единства с ним. Роман же Войновича содержит, собственно, лишь, поверхностные, хоть и нечистоплотные ругательства, бессодержательные, как ругательства, выкрикиваемые пьяным или написанные на заборе. Сочувствию же здесь явно нет места: всю ситуацию автор описывает, весело похохатывая, а может быть, и со злорадством.

Казавшийся мне столь любопытным феномен «Малого народа» не вызвал вообще никакого интереса, попыток принципиального обсуждения. А меня-то так поразила единообразность всех исторических реализаций этого явления! Когда наши публицисты утверждали, что в России вообще нет литературы, Пушкин и Лермонтов — бездарности, вся культура — у немцев, немецкие то же писали о своей литературе, о Гёте, и культуру видели лишь во Франции, а французские — в Англии. Но я встретил лишь возражения по поводу деталей. Наиболее распространённое — что это неправдоподобно, будто меньшинство могло навязать свою волю большинству, что такая мысль даже оскорбительна для «Большого народа». Конечно, если бы речь шла о чисто физическом столкновении, так сказать «стенка на стенку», это был бы убедительный довод. Но ведь «Малый народ» действует через идеологию, средства массовой информации или подпольные партии — тут не численное соотношение решает. Ведь не удивляет же то, что, например, отсутствие витамина B12, которого в организме всего 1-2-миллионные доли грамма, вызывает злокачественную анемию и смерть или что еле видимые бактерии убивают крупное животное, — «оскорбителен» ли этот факт для животного? В начале 80-х гг. прошлого века департамент полиции составил список всех известных ему революционеров. Он включал действительно подавляющее число участников революционного движения, а всего в списке был 151 человек, это за четверть века до революции! Наиболее ярко непонимание этой стороны социальной жизни проявил Сталин, когда на замечание о роли папы римского спросил иронически: «А сколько он может выставить дивизий?» Кроме того, область деятельности «Малого народа» есть разрушение, а оно всегда примитивнее и требует гораздо меньших усилий, чем созидание, жизнь. Чтобы создать Пушкина, необходимы были тысячелетия русской и мировой истории, чтобы убить — достаточно одна пуля Дантеса.

Иногда мои критики в своих взглядах отстают друг от друга дальше, чем я от каждого из них. Так понятию «Малый народ» даются две диаметрально противоположные интерпретации. Одна — что это любое меньшинство. Например, штатный философ «Радио Свободы» Б. Парамонов напоминает, что и апостолы составляли меньшинство, и предлагает мне, как христианин христианину, над этим задуматься. Но ведь «Малый народ» — это такое меньшинство, которое стремится сохранить свою изолированность среди остального народа, видя в этом путь к подчинению большинства его воле. Апостолам же было завещано проповедовать свою веру всем народам — т. е. перестать быть меньшинством! Почему-то это очевидно нелепое возражение повторяют многие критики. Противоположная интерпретация, наоборот, чрезвычайно суженная, что «Малый народ» — это одни евреи. Например, Синявский не раз так излагает мою работу: «Малый (еврейский) народ, оказывается, ведёт давнюю смертельную борьбу с большим (русским)». Какое отношение это может иметь к моим взглядам, если в качестве примера «Малого народа» я привожу в своей работе пуритан во время Английской революции, в то время, как евреи

были изгнаны из Англии ещё в XIII веке, и въезд туда им был запрещён под страхом смерти? В применении к современному «Малому народу» я разбираю этот вопрос подробно («Наш современник», 1989, №6, с. 189 и №11, с. 165) и привожу ряд соображений, почему отождествление «Малый народ» — евреи, на мой взгляд, неверно. Вот случай, который никак уж нельзя отнести за счёт добросовестного непонимания. То же утверждение содержится в письме за подписью 31-го автора («Книжное обозрение» №38, 1989). Письмо вообще содержит иногда и прямую неправду, написано в духе писем, когда-то разоблачавших Пастернака, Солженицына или Сахарова. К сожалению, под ним стоит и подпись самого А. Д. Сахарова! Ещё больше поражает подпись академика Лихачёва, для которого добросовестное отношение к разбираемому источнику должно бы быть профессиональной привычкой. Одно утешение — надеяться, что оба они подписали письмо, не вчитываясь, положившись на составителей.

Многие возражения остались мне просто непонятными, как ни старался. Например, тот же философ со «Свободы» Б. Парамонов упрекает, что мне «любезно» представление об органическом характере общества — с его же точки зрения, «общество нельзя понимать по аналогии с природой», так как в природе нет свободы. Но если у Парамонова есть собака, то он должен видеть, как она всё время проявляет свободу — например, убегая от хозяина за встречной кошкой. Именно взгляд на природу как нечто низкое, неодушевлённое породил концепцию «покорения природы», уверенность в праве делать с нею всё что захочется — то есть тот экологический кризис, который угрожает гибелью природе и человеку, забывшему, что он её часть. А между тем аргумент так понравился, что перекочевал в несколько наших статей. Но Б. Парамонов пугает и страшнее: «Органические общества — это застойные общества». Однако органична, прежде всего, Природа, а в ней происходят, как известно Б. Парамонову, не застой, но — эволюция. За 4 миллиарда лет до нас на земле ещё не было жизни, за 2 миллиона — не было человека, а совсем недавно — самого Б. Парамонова. И нет уверенности, что природа исчерпала на нём свои творческие силы — как сказал один герой Конан Дойла, быть может, она нам готовит ещё большие сюрпризы.

Видимо, как мои критики не понимают меня, так и я их понять не способен. Включая и критику с использованием христианской лексики. Например, в связи с коробящими критика цитатами из Ветхого Завета. Что же, христиане должны манипулировать цитатами из Писания, как марксисты своими «классиками»? Если в Библии говорится, что царь Давид клал побеждённых под пилы, то можно попытаться уяснить себе, каково место этих и подобных эпизодов Ветхого Завета в христианском мировоззрении, можно, на худой конец, признать, что это нам сейчас не понятно, но постыдно притворяться, будто это не существует. Что уж говорить о пестрящей текстами из Писания статье, где я уличён в жажде расправы, ненависти, в том, что я вмешиваюсь в Божественное Домостроение, недоволен Богом, духовно отказался от Христианства, презрел евангельские заповеди, ношу маску инквизиторов, тайна которых «Мы с ним». «Он» же — это сатана, принимающий вид «Ангела Света». В заключение автор кротко напоминает, что «христиане призваны не проклинать». (Один из героев Вальтера Скотта сказал о пуританах: они вас не долго думая повесят, а чтобы успокоить совесть, сопровождают это каким-нибудь текстом вроде «Тут Финеас восстал и произвёл суд»).

Поражает меня, что авторы хранят молчание как раз по поводу вопросов, в которых они компетентны. Например, Синявский не согласен со мной, что русские и украинцы изображены в «Конармии» Бабеля существами низшего типа. Нет, говорит он, скорее, героическими людьми. Но ведь у меня, например, приведена цитата: «И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стада платяных вшей...» Синявский говорит, что Бабелем много занимался: вот тут бы и разъяснить, что же в этом образе «скорее героического». И как раз об этом он молчит, хотя где только не писал и не выступал по поводу «Русофобии».

Или вот Б. Хазанов высказал очень интересную мысль, которую я в своей работе цитирую: «Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией». Ведь интеллигенцию можно сопоставить с нервной системой народа. Что же это получилось за необычное существо, у которого

нервная система и тело сделаны из разного этнического материала? Хазанов посвятил «Русофобии» особую статью, где сравнивает меня и с Гитлером, и Розенбергом, и Штрейхером — но вот эту интересную мысль никак не комментирует.

Или ещё: по поводу фразы Солженицына «аппарат ЧК избил латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами». Померанц уличает автора, что он «засунул опасное слово посередине, чтобы его нельзя было выдернуть для цитирования». В «Русофобии» я высказываю своё недоумение, почему «опасно» именно это слово, стоящее посередине, а не все остальные? Но тщетна была надежда получить ответ: Померанц много раз высказывался о «Русофобии», но говорил о чём угодно, только не об этой своей фразе, смысл которой он мог бы нам открыть. Как жаль!

Когда стало ясно, что на работу будут появляться отзывы, я с большим интересом стал их читать, надеясь встретить обсуждение по существу, пусть бы авторы и были со мной полностью несогласны. Но в результате — полное разочарование. Часто я так и не мог понять, каково же отношение авторов к основным положениям статьи (например, как они сформулированы в начале этой работы). Если даже принять все возражения — и про Природу, и про Бабеля, и о Священном Писании и т. д. — всё же остаётся, например, непонятным: считает ли автор русофобию реальным, весомым фактором нашей жизни? Существует ли такой исторический феномен — «Малый народ»? Впечатление от этих критик было другое: они стремятся внушить, что работу читать не следует, если же кто прочёл — тому лучше её скорее забыть. А сверх того видна в ряде случаев неприязнь к окружающему народу, уверенность в его неполноценности и в призвании «умных людей» решать судьбу «народа-дебила».

Особый оттенок всей дискуссии придают применяемые в ней полемические приёмы. Например, Померанц пишет: «Теперь несколько слов о полемических хитростях. Это тоже, кстати, черта несвободного сознания. И. Шафаревич (...) заявляет себя человеком, далёким от „Памяти“ (бедной, оклеветанной „Памяти“) — и кончает статью трегубой аллилуйей в её честь». Прочитав, я так и ахнул — откуда же это? Но автор приводит точную цитату: «Верю в громадную силу памяти, в то, что каждый народ... и даже все живые организмы... все они хранят в себе память...» А вот это: «Всё в жертву памяти твоей...» Так и Пушкин, оказывается, тайно сочувствовал «Памяти»! Ах, неосторожные это были слова о «полемических хитростях» и «несвободном сознании».

Ещё пример. Получаю письмо за подписью Алексея Шмелёва с рядом вопросов по поводу «Русофобии». В том числе — откуда взяты цитаты из Талмуда. Ответил, указав мои источники (включая недавнюю книгу профессора университета в Тель-Авиве Я. Каца), даже посоветовав, в какой библиотеке эти книги можно найти. Получаю письмо с благодарностью за «ясный и точный ответ». Вдруг в журнале «Знамя» встречаю статью того же Алексея Шмелёва «По законам пародии? (И. Шафаревич и его „Русофобия“».) Автор приводит слова М. Агурского по поводу совсем другой статьи другого человека (псевдонима), что там «цитаты, исполненные искажений, (...) заимствованы из антисемитской литературы дореволюционного периода, как книги А. Шмакова, И. Лютостанского и др.». И дальше: «Не пользовался ли Шафаревич этим же оригиналом? Или он обнаружил какие-то новые данные?..» Увы, эти данные известны не только мне, но и Шмелёву. (А после, ссылаясь на Шмелёва, казанская газета «Наука» печатает статью: «Как Шафаревич источники извратил».) Что уж тут апеллировать к Священному Писанию и христианским ценностям: на такие проделки не пойдёт и средний готтентот!

И ещё пример. Был у меня вечер в МГУ в октябре 1989 года, и через несколько дней станция «Свобода» передала сообщение о нём: «от нашего московского корреспондента Марка Дейча». Всем, пришедшим на вечер, не удалось поместиться в зале, и организаторы радиофицировали холл. Марк Дейч рассказал, что было совсем немного народу, да и неудивительно, так как уважающие себя люди не пошли бы на встречу с автором «Русофобии» (как любезно по отношению к сотням присутствовавших!). Вечер продолжался три с половиной часа, пока я не ответил на все вопросы. Марк Дейч сообщил, что, ответив на несколько записок, я сказал, что устал и хотел бы закончить вечер, и т. д. Остаётся недоумение: что это — моральный и профессиональный уровень самого Марка

Дейча или стиль радио «Свобода»? Чему можно и можно ли чему-либо верить в передачах этой радиостанции?

Публицист Б. Сарнов пишет: «Я не способен в джентльменском парламентском стиле полемизировать, скажем, с Шафаревичем». К сожалению, далеко не он один. Вот некоторые характеристики, данные мне и моей работе: фашист, законченный нацист, сравнение с Гитлером-Розенбергом-Штрейхером (в назидание упоминается, что последние повешены), публикация работы в ФРГ — уголовно наказуемое действие, мания преследования, инсинуации, параноидальный бред, инквизитор, слился в одну кучу с Ниной Андреевой и идёт с ней разными дорогами к одному обрыву, «фанатическая книга», «националистическая опухоль». «Книга полемики не заслуживает», «говорить не о чём», Синявский предлагает по поводу работы «не браниться, не сердиться, не читать нравоучения, а смеяться» — но ни он сам, ни другие авторы явно совету не последовали. Зато в «Новый мир» пришло письмо, в котором автор возмущается, что журнал напечатал мою статью (совсем другую): «Дело здесь не в содержании статьи, а в имени автора». Развивая эту линию плюрализма, Б. Сарнов потребовал, чтобы КГБ занялось моей работой. В газете «Советский цирк» эссе профессионального эстета о «Русофобии» иллюстрируется каким-то лицом с выпученными глазами и высунутым языком. В газете «Смена» публикация статей с критикой моего интервью той же газете сопровождается редакционным введением, содержащим ругательства, которые я раньше слышал только от пьяных, не полагал их возможными в прессе... Парамонов — философ — опубликовал эссе с нецензурным (или нецензурным?) названием, обозначающим вещество, ранее относившееся исключительно к ведению ассенизаторов. На протяжении всего своего философски-ассенизационного исследования он весело купается, барахтается и ныряет в «веществе».

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.
Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,
Сошли мы вниз, — и я узрел себя в подвале.

IV. «АНТИСЕМИТИЗМ»

К сожалению, то, что обсуждалось выше, — лишь незначительная часть написанного о «Русофобии». Доминирует же — и объёмом, и силой страсти — переживание суждений о еврейском течении в современном «Малом народе». Остальное отодвигается на задний план как незначительная мелочь: судьба России, трагедия народа, стоящего между бытием и небытием под тяжестью непрерывного давления на его национальное сознание. Даже само название работы должно было бы указать, что посвящена она русской теме, но это почти полностью игнорируется.

Как и следовало ожидать, господствует, заглушая робкий голос разума, один клич: «антисемитизм!». Уже в «Русофобии» я высказал своё мнение об этом термине: он нарочно оставляется нерасшифрованным, аморфным. Это сигнал, который, идя помимо логики, должен действовать на эмоции, возбуждать агрессивность. Таков испытанный приём управления массовым сознанием. Поразительно, что заданный в старой работе вопрос — что же это такое, «антисемитизм»? — ВСЕМИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ известными мне критиками не замечается. Никто из них не попытался объяснить, что он имеет в виду: действия, наносящие ущерб людям лишь потому, что они евреи? Пропаганду дискриминации евреев или насилия над ними? Выражение презрения к евреям как к нации: типичным чертам внешности или поведения? Да и ещё масса возможных толкований. Даже автор, сообщающий, что «Сам Бог наложил абсолютный запрет на антисемитизм»,

оставляет нас в неведении о содержании этой «одинадцатой заповеди» (вот «не убий», «не укради» — разъяснений не требуют!).

Уж нашему-то поколению, казалось бы, можно было почувствовать нечистоплотность таких пропагандистских приёмов. Каждый сталкивался с совершенно тождественным по духу, по логической структуре и социальной функции штампом: «антисоветизм». Оба эти клише-двойника являются, я думаю, продуктами одного типа сознания. Казалось бы, теперь пора устыдиться, как чего-то грязного и постыдного, подобных приёмов, пахнущих 70-й и 58-й статьёй, да и «законом» 1918 г. против «антисемитской и погромной агитации»: «ведущих подобную агитацию „ставить вне закона (?)“».

Статьи УК, касавшиеся «антисоветской агитации», были направлены на сохранение режима и власти правящей верхушки. Но так обнажённо это нельзя было сказать и в ход шли «государство», «советский народ» и даже «прогрессивное человечество». Аналогично и клише «антисемитизма» имеет целью наложить запрет на обсуждение действий какого-то узкого слоя, входящего в «Малый народ». Чтобы вычеркнуть из сознания эту сторону, внушается, что речь идёт о некоей (хотя и нерасшифрованной) угрозе всему еврейскому народу. В частности, все критики моей работы как-будто слепнут, доходя до тех её мест, где высказывается и аргументируется убеждение, что в современном «Малом народе» действует какое-то очень специфическое течение еврейского национализма.

Насколько проще, не утруждая себя аргументацией, выстроить цепочку: антисемитизм — фашизм — 6 миллионов евреев, убитых нацистами (Синявский, для убедительности, — 6 миллионов, убитых в Освенциме!). Этот приём используется постоянно. Одна «критика» так и озаглавлена: «Обыкновенный фашизм». В конце автор (всё тот же Б. Хазанов) пишет: «весь состав идей академика Шафаревича от начала до конца воспроизводит пресловутое „мировоззрение“ (Weltanschauung) гитлеровской гвардии и, в сущности, выдаёт в нём законченного нациста. Всё это уже было — и мы хорошо знаем, чем это кончилось». Всё это действительно было, причём всего на два года раньше, в том же журнале. Вот как это звучало: «Где-то это было уже — утверждение „национального возрождения“ через ненависть врагов, активные поиски этих врагов во вполне определённом направлении — среди евреев, конечно. Память на обманула...» Далее следует цитата: «Да, конечно, это из „Mein Kampf“ Адольфа Гитлера». Но это не про меня, а про В. А. Астафьева (по поводу переписки с Эйдельманом) и написано не Хазановым, а его соредктором Любарским. Так что же это за психология: чуть что на понравится — это фашист, повторяющий Гитлера. (Точно так, как писали у нас в 30-е годы!) Ведь если объединить всех, кто когда-то критически относился к каким-то еврейским группам и течениям, то получится очень пёстрый список: Евангелист Иоанн, Цицерон, Тацит, Иоанн Златоуст, Савонарола, Лютер, Шекспир, Пётр Великий, Вольтер, Державин, Наполеон, Фурье, Вагнер, Достоевский, Розанов, Блок и очень многие другие. Гитлер в этом списке, конечно, тоже должен быть, но занимает совершенно особое место. Однако будет там и Ленин, и даже евреи, такие, как Маркс и Отто Вейнингер. Люди столь разнородные, что присутствие их в соседстве, кажется, ничего не означает.

События последних лет, а особенно почти неограниченная громогласность, ещё раз показали национальную ориентацию нашего «Малого народа». Как и в других вопросах, жизнь внесла очевидную ясность там, где раньше приходилось оперировать догадками и косвенными доказательствами. В последние годы страну потрясла цепь кровавых межнациональных столкновений. Теперь кровь льётся всё время, многие сотни тысяч превратились в беженцев. Тут можно наглядно увидеть: какой народ более угрожаем, несёт большие жертвы? Как же оценили ситуацию средства массовой информации (в своей подавляющей части) и поддерживающие их (и поддерживаемые ими) левые вожди? Кого они сочли нуждающимся в особой защите: армян (Сумгаит), русских (Алма-Ата, Душанбе, Тува), месхов, осетин? Неподготовленный читатель не поверил бы: мы слышали лишь одно требование — закона против антисемитизма. Об этом публиковались статьи, письма в редакцию, подавались петиции депутатов, в то время как никаких реальных оснований для этого не было. Зато были основания, созданные средствами информации: печатались письма от боевиков «Памяти» с угрозой кровавой расправы над редактором

прогрессивного журнала (но когда все мы содрогнулись от ужаса, оказалось, что автор писем — провокатор, желающий скомпрометировать «Память»), анонимные письма до смерти запуганных жертв преследований (хотя в других случаях использование анонимок считается недостойным), публикация тайных инструкций «Памяти» с призывами к расправам, слухи о грядущих жестоких погромах. О них объявляли уже не раз: и к 1000-летию крещения Руси, и ко дню Святого Георгия, 6 мая 1990 г. И вот парадокс: погромам у нас подвергались, кажется, все народы, кроме евреев.

Столь же сильному давлению подвергается и сознание Запада. Пример — письмо академика Гольданского, опубликованное в 1990 г. в «Вашингтон пост». Название: «Антисемитизм: возвращение русского кошмара». Утверждается, что у нас возникли «злобные антисемитские группы», процветающие «в атмосфере злобы, зависти, поиска „козла отпущения“ и ненависти», они «сейчас стали самыми мощными и, безусловно, наиболее быстро растущими силами раскола, толкающими страну к кровопролитию и гражданской войне». Автор называет их «монархо-фашистами». Они стремятся «закончить то, что начал Гитлер», они «встречают симпатии и попустительство со стороны видных лидеров партии и правительства СССР». Погром назначен на 6 мая 1990 г., и уже сейчас произошло нападение на собрание «прогрессивной группы писателей» в ЦДЛ. Я просто не знаю другого случая такой апелляции к стране, с которой роковым образом связана наша судьба, возбуждения её общественного мнения — и столь чудовищного искажения всех пропорций. Статья и не приводит никаких фактов: автор ссылается лишь на анализ газеты «Советский цирк» и какое-то письмо из ФРГ, подтверждающее, что на Западе «такие проявления» были бы неконституционными. А ведь пишет это парламентарий, наш депутат! Прошло больше года: не совершилось никаких погромов, «монархо-фашисты» не начали гражданскую войну и не произвели кровопролития. Что же, были ли принесены извинения за эту напраслину, возведённую на страну, гражданином которой числится автор? Нет, как и в случае редактора, писавшего об угрозах ему «боевиков „Памяти“». Возбуждены страсти — у нас и в США, — создана паника, под влиянием которой тысячи евреев покинули страну, а те, кто этому способствовали, тихо уходят в тень.

Кульминацией, но почти и карикатурой был «инцидент», или «шабаш», в ЦДЛ. На собрание группы писателей в Доме литераторов пришла компания неизвестно кем пропущенных людей. Появились плакаты, из которых самым криминальным был: «Сионисты, убирайтесь в Израиль!» (бессмыслица: сионисты — это как раз те, кто едет в Израиль). При выдворении прибывших возникла потасовка, были разбиты чьи-то очки. Разразившуюся бурю можно сравнить лишь с «кампаниями» прежних времён, вроде «Свободу Анджеле Дэвис!». Возбуждённые выступления по телевидению: депутатов, писателей, обозревателей, поток статей. Да и мне писали: «Как Вы ещё можете сомневаться в возможности погромов, когда первый уже произошёл в ЦДЛ?» Главную фигуру «инцидента» — Осташвили — отдали под суд. Следственное дело составило 11 томов. Заявления Осташвили, как нарочно кричаще-резкие, передавались по телевидению и сопровождались гневными комментариями... А теперь сравним это с гонениями на русских в Туве. Тут уж речь не шла о письмах провокатора или о бессмысленных лозунгах: к середине лета 1990 года число убитых русских превысило 50. И это сообщение, едва промелькнув («Столица», № 4, январь 1991 г.), не вызвало никакой реакции: ни статей, ни телекомментариев, ни дебатов в Верховном Совете, ни депутатских комиссий.

Вот статистическая характеристика пяти событий — столкновений в Сумгаите, Душанбе, Туве, Намангане и «инцидента в ЦДЛ». Приведено число жертв (убитые) и количество строчек, уделённых этому событию в посвящённых ему статьях такого типичного для нашей прессы издания, как «Литературная газета»:

Место — число жертв — число строк

Сумгаит — 32 — 0

Душанбе — 24 — 726

Тува — более 80 — 0³⁶

Наманган — 5 — 309

ЦДЛ — 0 — 1131

Таков портрет наших средств массовой информации.

«Антисоветизм» был предупредительным выстрелом, запретом на обсуждение идей, неугодных правящей верхушке ленинско-сталинско-брежневского режима. «Антисемитизм» играет ту же роль для современного «малого народа», причём часто и в вопросах, не имеющих вообще никакого национально-еврейского аспекта. Например, обвинение в антисемитизме можно услышать по адресу писателя, слишком явно отдавшего свои симпатии деревне, или художника, на картинах которого слишком много крестов и храмов. Недавно «Еврейская газета» (7 мая 1991 г.) опубликовала список, озаглавленный «Антисемитские издания», в котором есть журналы, кажется, вообще никак — ни «про», ни «анти» — не касавшиеся еврейских проблем (вроде «Москвы»).

В ряде изданий была опубликована и не раз читалась по «Свободе» критическая статья о «Русофобии» Б. Кушнера. Она выделяется из общей массы своей искренностью. Я способен если не согласиться с автором, то понять его эмоции. Он пишет: «Позвольте сообщить Вам, уважаемый Игорь Ростиславович, что мы так же ощущаем боль, как и Вы, так же любим своих детей и нам так же тяжело видеть, как им забивают гвозди в глазницы, как это было бы тяжело (не дай Бог!) видеть вам по отношению к вашим детям». Вот слова, которые я хотел бы повторить, адресовав тому кругу, взгляды которого автор выражает. Поверьте наконец, что нам так же больно, как и вам, и мы имеем такое же право говорить о нашей боли! У нас была такая же Катастрофа, как у вас, и продолжалась она 25 лет. Был голод на Украине, унёсший за год не то 5, не то 7 миллионов (их и пересчитать не удаётся). За войну население Белоруссии уменьшилось на 1/4 и восстановилось лишь за 40 лет. И о таких же попытках, о каких пишете вы, безо всякого «было бы» вы можете прочесть, например, в материалах о деятельности Киевской ЧК. Автор говорит: «Что же, в известном недавнем периоде русской истории действительно можно наблюдать непропорциональное (как в количественном, так и в эмоциональном отношении) участие евреев. Обстоятельство это представляется мне трагическим для моего народа в такой же степени, как и Вашего». Неужели действительно «В ТАКОЙ ЖЕ»? Евреи за этот период избавились от черты оседлости, процентной нормы, переселились из местечек в города — в основном крупные, во много раз обогнали другие народы СССР по уровню образования и учёных степеней. У русских было уничтожено дворянство, духовенство, разрушена деревня, катастрофически упала рождаемость. Именно русский, а никак не еврейский народ стоит сейчас перед угрозой гибели. Автор пишет: «Сейчас наступила пора нашего национального расставания», очевидно, подразумевая эмиграцию евреев. Но у русских-то нет другой родины, кроме их разорённой страны. Неужели эта ситуация отражает «ТУ ЖЕ МЕРУ»? Такая холодная отстраненность от чужих бед может очень далеко завести. Б. Кушнер говорит о «Русофобии»: «Кажется, что вот-вот появятся и пресловутые христианские младенцы» (намекая на ритуальные убийства). «Словарь русского языка» Ожегова разъясняет слово «пресловутый» так: «широко известный, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки». Но ведь убитые-то младенцы были самые настоящие, какова бы ни была причина их гибели (например, в деле Бейлиса, в процессах, описанных Далем). За что же их так пренебрежительно третировать, хоть они и христианские, — можно бы и пожалеть!

Сейчас мы наглядно видим, какой колоссальной силой являются национальные переживания — подчас сильнее экономических факторов и классовых отношений, о которых столько лет долбили как о единственном двигателе истории. Не можем мы отказаться от обдумывания и этого аспекта революции 17-го года — самого трагического кризиса нашей истории. А до сих пор такие попытки встречают яростное сопротивление

³⁶ Число жертв в Туве по данным журнала «Столица» (1991, № 4). По другим данным — около 10.

или полное непонимание. Из многочисленных примеров: в «Русофобии» приведено высказывание одного из вождей с.-д. — Мартова. Он говорит, что, пережив в детстве угрозу погрома, сохранил на всю жизнь «семена спасительной ненависти». Б. Кушнер упрекает меня, что я не ощущаю «страдание другого существа как своё собственное», не понимаю переживаний Мартова или поэта Бялика, вызванных погромами. Зря я, видимо, объяснял, что хочу вообще воздержаться от «оценочных суждений», а пытаюсь понять: что же с Россией происходило? А произошло то, что одним из вождей революции оказался человек, глубинной основой психологии которого была не любовь к этой стране и её народу, даже не интернационалистски-марксистские идеи, а семена спасительной ненависти — к кому? И ситуация, вероятно, была типична не для одного Мартова. Конечно, — как не пожалеть трёхлетнего Юлика, со страхом дожидавшегося погрома? Но, говоря об истории, как не подумать о всей России, судьба которой оказалась в руках таких вождей? Ведь Россия тоже «существо», и страдания этого существа тоже надо бы чувствовать!

Некогда Янов сравнил обвинение в антисемитизме с атомной бомбой в руках «противников национализма». Это очень тонко подмечено: речь идёт именно о борьбе с «национализмом» (конечно, русским — т. е. о русофобии), а не о защите еврейского народа от какой-то угрозы. Например, как иначе понять сильное нежелание замечать, что с «Малым народом» в моей работе связывается лишь некоторое течение еврейского национализма, — и делать вид, что речь идёт о всём еврейском народе (аналогично, в связи с участием радикального еврейства в революции). Я пытаюсь примерить на себя: конечно, есть много эпизодов в русской истории, о которых мне тяжело вспоминать, — например, подавление польских восстаний или политика обрусения инородцев. Если бы я встретил работу, утверждающую, что ответственность за это несёт не весь русский народ, а лишь какой-то узкий его слой, то, конечно, ухватился бы за неё и попытался бы эти аргументы развивать. Как мог бы автор, стоящий на глубоко национальной еврейской позиции, наоборот, стараться действия Свердлова, Троцкого или палачей ЧК связать со всем своим народом? У автора, стоящего на национальной почве, думаю, дрогнула бы рука написать и то, что высказал Гроссман о России. Ведь в романе «Жизнь и судьба» он с таким жутким реализмом описывает гибель евреев в газовых камерах. А это была бы судьба всех евреев СССР, если бы равнины Восточной Европы не были усеяны русскими и украинскими костями. Этим я отнюдь не хочу сказать, что евреи (или, скажем, грузины) не воевали, — но по числу своему не могли влиять на исход войны. И, конечно, русские защищали свою страну и отнюдь не приобрели тем самым право как-то утеснять евреев, но на некоторую благодарность, деликатность в обличении их недостатков могли бы рассчитывать от людей, живущих интересами всего еврейского народа. Разве мог быть поднят людьми, озабоченными еврейской судьбой, этот всемирной гвалт о фантастической (как сейчас всем видно) угрозе погромов? Разве заботило его организаторов то, как это отразится на отношениях других народов — в стране, где сейчас громят чуть ли не всех, кроме евреев! Ведь это похоже на крики нежных родителей, что их ребёнку не хватает яблок и апельсинов: можно ещё понять, когда кругом все сыты, — ну а если другие дети пухнут с голоду? Не будет ли воспринято как знак жестокого пренебрежения к чужим жизням? (так же было и требованиями дать свободу еврейской эмиграции, когда у нас колхозники не имели право уехать из своей деревни). Кинорежиссёр С. Говорухин пишет (тут же заверяя, что «Памятью» не завербован!): «Попробуйте взглянуть на нашу прогрессивную прессу глазами нормального здорового человека. Сколько всего случилось за этот год! Баку, Душанбе, Тува, Ош... С живых людей сдирали кожу, жгли на кострах! По газетам же получается: главное событие года — скандал в Доме литераторов». «Или я ничего не понимаю, — скажет нормальный читатель, или тут что-то не так». Это в лучшем случае он так думает, а в худшем — поскребёт затылок и промолвит: «А может, правы те, кто говорит, что евреи захватили газеты, радио, телеграф?» Вот вам пример обратного эффекта. Идиотизм, ей-Богу! В редакции газет приходят разные письма. Цитирую одно из них по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу (над Осташвили. — И.Ш.)? Неужели не понимаете, что это приведёт к росту

антисемитских настроений?»

Да и в связи с «Русофобией» я встречаю поразительные возражения: будто приводя цитаты из Янова или Гроссмана, я «провоцирую погромы». Я-то в возможность погромов не верю, но кто и правда ими озабочен, должен был бы прежде всего обратиться с призывом не печатать таких произведений, одна цитата из которых может вызвать погром! Наконец, последнее время принесло и совсем поразительные примеры. Так, в Молдавии звучали чудовищные призывы: «Утопим русских в еврейской крови!» Но это не вызвало никакого возмущения, не то что «шабаш в ЦДЛ». Видимо, первая часть призыва вполне оправдала вторую. Говоря конкретнее, сепаратизм и русофобия есть главная цель, а судьба евреев второстепенна.

Всё указывает, что течение, столь влиятельное в «Малом народе», так умело манипулирующее образом «антисемитизма», столь же мало озабочено судьбой еврейского народа, как в своё время эсеры — судьбой крестьян или большевики — рабочих. Для них весь народ есть лишь средство, «сухая солома»: и мне верится, что когда-то скажет своё слово и «молчаливое большинство». Например, скажет, что невозможно отбрасывать трагедию окружающего народа как нечто, не стоящее внимания сравнительно со своими заботами. И не из страха перед ростом «антисемитских настроений», а просто потому, что это — не по совести. Есть признаки, что это возможно. Например, в статье «Я, русский еврей» («Век XX и мир», № 10, 1990) автор пишет: «И пусть мы, еврей, покаемся первыми: хотя мы действительно живём на земле предков, но ведь это же Русская земля... В первую четверть века, в судьбоносные для России времена, нам следовало бы проявить величайшую осмотрительность, такт по отношению к хозяевам — народу этой страны». Ведь есть, значит, возможность понять точку зрения друг друга. Мне кажется, сейчас успехом было бы хоть понять, даже не соглашаясь.

Для России вновь настали судьбоносные времена. К несчастью, нам всем, всем народам России, не было дано спокойно осмыслить опыт предшествующей катастрофы. И как бы нам всем не повторить ещё раз тех же ошибок, но в больших размерах, с ещё более страшными последствиями! ³⁷

Июнь 1991 г.

Об авторе

³⁷ Напечатано в журнале «Наш современник» № 12, 1991 г.

Шафаревич Игорь Ростиславович родился 3 июня 1923 г. в Житомире.

Как пишет о себе сам Игорь Ростиславович, его «отец окончил МГУ — преподаватель теоретической механики, мать — филолог по образованию, большую часть времени не работала. Из семьи и сохранившихся ещё от деда книг приобрёл любовь к русской литературе, сказкам, былинам. Немного позже — к истории. Следующее увлечение было — математика. Участь в школе, сдавал экстерном экзамены на механико-математическом факультете МГУ. После окончания школы был принят на последний курс Университета и окончил его в 1940 году. Защитил кандидатскую диссертацию в 1942 г., докторскую — в 1946. С тех пор работает в математическом институте Академии Наук, с 1960 года — заведующий отделом алгебры. С 1943 г. преподавал в Московском Университете. Имеет много учеников. Под его руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций».

В школе И. Р. Шафаревич вначале так увлекается историей, что начинает отставать по математике. Потом самостоятельно, в 14 лет, изучил её школьный курс. Талантливым восьмиклассником заинтересовались профессора Московского университета. Б. К. Делоне фактически становится руководителем будущего учёного. Ещё учеником 9-го класса И. Р. Шафаревич занимается научной работой в области алгебры и теории чисел.

С 1943 г. работает в Математическом институте АН СССР. 20 июня 1958 г. избран членом-корреспондентом АН СССР Отделению физико-математических наук.

Основные труды И. Р. Шафаревича относятся к алгебре, теории чисел и алгебраической геометрии. Первые исследования посвятил алгебре и алгебраической теории чисел. В теории алгебраических чисел нашёл самый общий закон взаимности степенных вычетов в полях алгебраических чисел, что явилось в известной мере завершающим этапом в 150-летней истории арифметических законов взаимности, восходящей к Л. Эйлеру и К. Гауссу. Внёс фундаментальный вклад в развитие теории Галуа. В 1954 г. дал решение обратной задачи теории Галуа для разрешимых групп, т. е. доказал, что в, том случае, когда основное поле является полем алгебраических чисел конечной степени, существует алгебраическое расширение этого поля с наперёд заданной разрешимой группой Галуа. И. Р. Шафаревич, Д. К. Фаддеев и их ученики получили за последние годы важные результаты, относящиеся к теории групп, теории целочисленных представлений групп и теории Галуа. В частности, совместно со своим учеником Е. С. Голодом в 1964 г. дал отрицательное решение общей (не ограниченной) гипотезы Бёрнсайда, а именно — доказал существование бесконечных периодических групп с конечным числом образующих.

Первым из советских алгебраистов начал исследования в области алгебраической геометрии и привлёк к этому своих учеников Ю. И. Манина, А. И. Кострикина, Е. С. Голода и др. Таким образом, создал научную школу в алгебраической геометрии, которая продолжает активную работу и этой отрасли. Ряд фундаментальных результатов получил в области теории полей алгебраических чисел, лежащей на стыке алгебраической геометрии и теории чисел.

Достиг важных результатов в теории диофантовых уравнений. В соавторстве с З. И. Боровичем написал книгу «Теория чисел», в которой систематизированы многие вопросы теории алгебраических чисел. Автор известной книги «Основы алгебраической

геометрии». Член бюро отделения математики АН СССР с момента организации, был президентом Московского математического общества. За открытие общего закона взаимности и решение обратной задачи теории Галуа удостоен Ленинской премии (1959).

Большая часть математических работ И. Р. Шафаревича издана (в английском переводе) в собрании сочинений («Collected Papers», Springer, 1989).

7 декабря 1991 г. избран академиком АН по Секции математики, механики, информатики (математика).

Игорь Ростиславович Шафаревич известен не только как признанный учёный-математик, но и как русский философ, публицист и общественный деятель. Он — автор известных работ: «Русофобия», «Две дороги к одному обрыву», «Социализм как явление мировой истории». Совместно с А. И. Солженицыным участвовал в сборнике «Из-под глыб» (Москва-Париж, 1974). «Вече» (Мюнхен), 1988.

Как сообщает о себе в краткой автобиографии И. Р. Шафаревич, он «с конца 60-х годов» принимает участие в общественной деятельности: заявления и пресс-конференции в защиту Православной Церкви, против использования психиатрии как средства политических преследований (совместно с А. Д. Сахаровым). В 1974 г. участвовал вместе с А. И. Солженицыным в издании сборника «Из-под глыб» — сборника статей по вопросам духовной и общественной жизни того времени. В 1977 г. во Франции вышла его книга «Социализм как явление мировой истории», сжатое изложение основных идей которой содержалось в одной из его статей в сборнике «Из-под глыб». В 1975 г. был уволен из Университета, с тех пор не преподаёт».

«Остаюсь диссидентом...»

Отрывок

Какие бы суровые времена ни переживала страна, всегда находились люди, боровшиеся против антинародной по своей сути политики властей. Даже кровавый режим Сталина не являлся в этом смысле исключением. Множество наших сограждан не только ясно понимали что такое «вождь народов», но и пытались в меру сил и возможностей противостоять ему. «Благостное» брежневское правление также столкнулось с довольно заметным противодействием. Среди тех, кто оказывал тогда сопротивление надругательству над правами человека, национальными интересами и здравым смыслом, было немало учёных, членов академии. Разумеется, первым стояло имя А. Д. Сахарова.

С течением времени стало забываться, что были годы, когда стоило произнести «Сахаров», как тут же вспоминался другой учёный-бунтарь — И. Р. Шафаревич. В своих воспоминаниях А. И. Солженицын отмечает: его арестовали в тот момент, когда он обсуждал содержание сборника статей «Из-под глыб» с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем. Всякий, кто в шестидесятые годы хоть изредка слушал «вражьи голоса», наверняка помнит это имя. Он смело выступал в защиту многих узников совести. «Советский математик Игорь Шафаревич выразил протест...», «Известный диссидент Шафаревич дал интервью иностранным журналистам...» В то время эфир был забит сообщениями подобного рода. И вот сегодня вокруг Шафаревича вновь вспыхивают страсти. Но причина иная — эссе «Русофобия», опубликованное в журнале «Наши современники». Теперь бывший диссидент стал неприемлемым уже для левой оппозиции. Что же произошло?

Научный обозреватель «Вестника АН СССР» Н. Л. Коренюк получил задание встретиться с И. Р. Шафаревичем и узнать обо всём, что называется, из первых уст. Ниже публикуется запись их беседы.

Своей «Русофобией» вы наделали много шума. Мнения о ней и о вас самые разноречивые. Нередко высказывается недоумение: как это вы, известный диссидент, изменили своим взглядам.

— Я не вижу каких-либо принципиальных изменений в своей позиции; скорее изменился некий широко принимаемый, стандартный комплекс взглядов, некая общая позиция, которую легко и даже полезно занимать, некая совокупность суждений, которые усваиваются главным образом через чьё-либо внушение, а не через собственный поиск. Такое явление существует в каждом обществе, в нашем — особенно, ввиду инерции тоталитарного мышления. Вот из этого стандарта я опять выпал, как выпадал и раньше, то есть остался диссидентом. Не случайно ведь один публицист обращался в КГБ с просьбой чтобы там серьёзно мной занялись.

Итак, ваша позиция осталась прежней?

— Вы знаете, читая свои работы пятнадцатилетней давности, я с сожалением отмечаю, насколько высказанные в них идеи совпадают с моими нынешними. Человек должен со временем меняться.

Как и когда возник замысел «Русофобии»?

— В семьдесят восьмом: в этом году в парижском русскоязычном журнале «Вестник русского христианского движения» вышел сборник статей, посвящённых русской истории и современности. Были в сборнике и мои статьи (правда, иного типа), в частности, «Арьергардные бои марксизма», в которой доказывалось, что государственная практика Ленина и Сталина вытекает из фундаментальных положений марксизма, а не является его «искажением»; между прочим, аналогичные взгляды — приятно отметить — высказал недавно А. Ципко. Это к слову, а главное: некоторые авторы сборника обратили внимание на сложившееся в нашей стране течение, прокламировавшее неполноценность, ущербность русского народа (его сознания, культуры и истории), и в основном на историческом, конкретном материале опровергали такого рода положения. Прочитав статьи я пришёл к выводу: существует определённое течение, имеющее свои корни, и просто опровергать те или иные высказывания недостаточно, нужно по-настоящему разобраться в явлении. Это и послужило толчком к написанию «Русофобии».

А закончили?

— Закончил и стал распространять в 1983 году, без всякой надежды на публикацию.

То есть обычный самиздат.

— Да, сделал несколько десятков ксерокопий и раздал знакомым — тем, у которых они могли вызвать интерес. Время было глухое, время полного подавления самиздата, но к моему удивлению, уже через несколько месяцев я услышал первые отзывы.

В чём же всё-таки главная идея «Русофобии»? У многих критиков сложилось впечатление, что вы истоки всех бед, свалившихся на русских в этом столетии, видите в евреях.

— Совершенно не понимаю, как такое впечатление могло сложиться. В работе подобная точка зрения рассматривается, и приводится ряд аргументов, подтверждающих моё несогласие с ней. Если коротко, то моя концепция такова: во-первых, речь идёт об определённом идейном течении — о произведениях самиздата и тамиздата, пытающихся доказать наличие какого-то коренного порока в русской психике: «русская душа -тысячелетняя раба», «в России не было истории, а было бытие вне истории», «русские доказали свою политическую импотентность», «Россия принесла миру больше зла, чем какая-либо другая страна» и т. д. Вся революция целиком выводилась из русской традиции, якобы извратившей марксизм, и преподносилась как возврат к духу Московского царства. Размышляя над этими идеями и занимаясь их изучением, я натолкнулся на работу тогда ещё малоизвестного французского историка Огюстена Кошена, специалиста по Французской революции, и был поражён: анализируя культурные и идеологические предпосылки революции, он описывал очень похожее на наше явление, причём очень ярко, иногда почти с дословным совпадением деталей. Помню, я просто не мог усидеть на месте, всё время вскакивал, читая его книгу. В последние годы труды Кошена, кажется, стали гораздо популярнее на Западе: переизданы, переведены на многие языки. Надеюсь, они будут переведены и у нас, ведь в них, в частности, речь идёт о таком слое людей, которые противопоставляют себя всему остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают своё право распоряжаться этим народом, как материалом

собственного творчества — в этом Кошен усматривал духовную предпосылку якобинской диктатуры. Но я пришёл к выводу, что налицо гораздо более общий феномен, сопровождающий всякий социальный кризис, — возникновение аналогичных агрессивных элитарных групп. Особо подчеркну: не имеющих никакой специфической национальной окраски.

В том числе еврейской?

— Какое же отношение к евреям могут иметь работы Кошена, посвящённые Французской революции, в которой евреи никакой роли не играли? К тому же я попытался расширить применение его концепции. Между прочим, и в Английской революции XVII в. евреи не могли принимать участие — по той простой причине, что их изгнали из Англии ещё в XIII в., и проживать там им было запрещено под страхом смерти; только Кромвель отменил этот запрет, хотя и формально.

О. Кошен использовал термин «малый народ», не вкладывая в него никакого этнического содержания и имея в виду меньшинство того или иного народа, чувствующее свою избранность и обособленность. Лишь говоря о современном направлении в нашей публицистике (о нём шёл разговор выше), я действительно обратил внимание на присутствие в нём влиятельного еврейского националистического течения. Оно отражается в заявлениях такого, например, типа — «после исчезновения русской интеллигенции евреи заполнили образовавшийся вакуум» и т. п.

В конце девятнадцатого столетия национальное многим казалось пережитком, выдвигались идеи слияния наций в едином социалистическом обществе. Но мы-то видим: в двадцатом веке произошло как раз обратное — расцвет национальных течений, о которых раньше и не подозревали (национализм валонский, баскский и т. д.), не говоря уже о национальном взрыве в нашей стране. Единственная новизна моего подхода заключается в том, что я говорю именно о еврейском национализме.

И всё же у вас — это бросается в глаза — ему отводится особо опасная роль.

— Национализм часто приводит к опасным последствиям. Разве баскский терроризм безопасен? В моей работе речь идёт об определённом течении в еврейском национализме, оказавшем решающее влияние на литературу, о которой я писал, причём подробно доказывал, что это течение ни в коем случае нельзя отождествлять с еврейской нацией. В «Русофобии» подчёркивается, что речь идёт о свободном выборе, индивидуальном участии; отмечалось, в частности, большая роль Амальрика, Синявского и других, евреями не являющихся. Кроме того, в ней есть ссылки на авторов-евреев, выступавших против еврейского национализма и гораздо резче, чем я.

Например?

— Цитировался сборник «Россия и евреи». Все его авторы — евреи, эмигрировавшие из России после гражданской войны. У них своя точка зрения на революцию, войну, на еврейские погромы; это исключительно глубокий и честный труд, создатели которого поднялись над традиционными предрассудками. Мной также приводился пример романа современного автора Ф. Светова «Отверзи ми двери», настолько резкого, что несмотря на гласность, он у нас до сих пор не опубликован. Иными словами, я пытаюсь выяснить роль «малого народа» — явления общеисторического, на которое в разное время могут влиять религиозные, национальные и другие факторы.

Так что же, произошло недоразумение?

— О недоразумении, видимо, нужно говорить в кавычках. Простой читатель, может быть, не дочитал работу. Но критик, пишущий о ней специальную статью, выражает идеологию того самого «малого народа», который старается быть невидимым в качестве меньшинства и прячется за рассуждениями об интересах угнетённого класса, нации или даже общечеловеческих ценностях.

Вы против того, чтобы русских считали рабами по природе своей, тёмными, забитыми и т. д. Однако если они таковыми не являются, как же в таком случае они допустили русофобию и, по вашей мысли, оказались игрушкой в руках некоего меньшинства? Словом, как «большой народ» позволил командовать собой «малому народу»?

— Я думаю, призывы «малого народа», разжигающие русофобию, и вся идеология его — очень заразительны. Один из авторов рассматриваемой мной литературы охарактеризовал свой слой как «племя гигантов», его окружение — как «человеческий свинарник». Принадлежать к «племени гигантов» чрезвычайно соблазнительно, поэтому люди легко усваивают их точку зрения, и каждый усваивающий причисляет себя отнюдь не к «свинарнику». Накопленный исторический опыт позволит наконец понять это.

А по-вашему, пока этого не понимают?

— Если следовать Кошену, точно так же французский народ не распознал свой «малый народ». Таков, видимо, характер любого социального катаклизма. Вы спрашиваете, каким образом идеология меньшинства навязывается большинству? А почему немецкий народ допустил национал-социализм? А почему французский народ позволил террор? Кошен приводит яркий образ — «лилипуты связывают Гулливера и осыпают его отравленными стрелами». Причины различны: обработка общественного мнения, разжигание антагонизма, создание «образа врага». Здесь есть нечто напоминающее болезнь, исход которой решается вовсе не соотношением веса болезнетворных бактерий и больного организма. Есть и какой-то общий механизм, недаром ведь так много схожего в таких катаклизмах, как английская, французская, русская революции.

Вы отрицаете понятия «национальная психология», «национальный характер»?

— Конечно, нет. Но раз уж произошли столь похожие перевороты (можно ещё добавить религиозные войны эпохи Реформации, господство красных кхмеров в Камбодже и т. д.), причины надо искать не в индивидуальной психологии того или иного народа. Да их и не ищут, пока не заходит разговор о русских, зато я никогда не слышал, даже среди самых яростных критиков Французской революции, что террор, например, — это французская национальная традиция.

Безусловно, национальный характер как-то отражается на ходе исторического развития, но скорее на его внешних формах. В нашем же случае существенная черта революции — подавление национального, русского чувства, слово «патриот» звучало как «контрреволюционер».

А чем же тогда плоха идея общечеловеческих ценностей (вы считаете её прикрытием идеологии «малого народа»)? Может, она по своему уровню стоит выше классовых и национальных? Тем более что далеко не всегда национальный фактор является созидющим, творческим, как вы говорите. Не хочу приводить примеры: лучше поделюсь широко распространённым сейчас, особенно среди интеллигенции сомнением: русский национализм — последняя надежда у теряющего свою власть аппарата, который в отчаянии сделает на него ставку, и на смену диктатуре коммунистов придёт диктатура русских фашистов. У новой диктатуры, похоже, найдётся масса сторонников. И не получится ли так, что и «Русофобия», независимо от ваших желаний внесёт сюда свою лепту. Ведь какой вывод можно сделать из неё? Долой «малый народ»! Нет, помилуй Бог, вы к этому не призываете, но я говорю о массовом сознании.

— Вы задали три разных вопроса. Первый. Идея общечеловеческих ценностей ничем не «плоха», пока она не отрицает национальную индивидуальность. Точно так же, как национальные ценности хороши в тех пределах, в которых они не подавляют человеческую индивидуальность. Безнациональное человечество, по моему мнению, не может существовать точно так же, как государство, состоящее из лишённых индивидуальности подданных. Вспомним, что и наши беды начались с гипертрофированного внедрения некоторых наднациональных ценностей: интернационализма, мировой социалистической революции и т. д.

Второй. Если обсуждать возможность тоталитарного переворота, надо перебирать все силы, которые мог бы использовать аппарат в качестве союзников: не только русский национализм, но и национализм нерусских народов (как было в начале революции), а также дельцов криминальной экономики (вместе с их аппаратом) и иностранные компании, заинтересованные в эксплуатации дешёвой рабочей силы и наших природных богатств. Из всех этих теоретических возможностей союз партаппарата с русскими националистами

кажется мне наиболее фантастическим. Аппарат воспитан на стопроцентно денационализированной идеологии. Меня не раз поражали такие пассажи в речах Брежнева, Андропова и им подобных деятелей: «За 50 лет существования нашего государства...», «Наше государство за всю его 60-летнюю историю» и т. д.: то есть раньше существовало «не их» государство. Русские национальные идеи подвергались жесточайшим преследованиям: например, В. Н. Осипов, издававший русский патриотический самиздатовский журнал «Вече» и, кстати, не выступавший ни с какими политическими требованиями, отсидел в лагере восемь лет. Когда в начале семидесятых годов в советской печати появились первые ростки возрождения русских духовных традиций, удар по ним был нанесён таким видным представителем партаппарата, как А. Н. Яковлев (известная статья «Против антиисторизма» в «Литературной газете»). Да ведь и сейчас ни один из крупных партийных руководителей — ни в КПСС, ни в РКП — не заявил, что главной его заботой является спасение страны и народа, а не реализация некоторых идеологических догм. Конечно, в органах власти есть разные люди, в том числе и патриотически настроенные, но таковы они как индивидуумы, а аппарат в целом, видимо, совершенно не способен реагировать на национальные импульсы.

А по-моему, дело не в идеологии. Уж коли встанет вопрос «кто кого», власть, желающая остаться властью, откажется от прежних икон и молитв и глазом не моргнёт. Всё побоку — лишь бы уцелеть. И вот тут-то как нельзя кстати придётся пропаганда в духе «сплотила на веки великая Русь». Насчёт Брежнева и Андропова согласен с вами, но ведь Яковлев после упомянутой статьи оказался в опале и был сослан (не считайте за кощунство, это, конечно, не восемь лет Осипова)...в Канаду, то есть, по аппаратным меркам, тоже в ссылку. А вспомним недавний XXVIII съезд КПСС: на кого чаще всего нападали делегаты-консерваторы? На Яковлева, который, по их мнению, чуть ли не всю партию и страну погубил. Зато как дружно они аплодировали «кузьмичам» с их призывами к возрождению России, но России-то, по сути, сталинско-брежневской. И генералы за это, так что какая уж тут фантастика.

— Слово «Россия» сейчас стало такой же разменной монетой, как «милосердие» и «гуманизм» — им пользуются все. Так что дело в смысле, который вкладывают в слова. Вы же сами говорите, что речь идёт о России сталинско-брежневской, то есть той, где истреблялось крестьянство, русский народ вымирал (и продолжает вымирать). Россия находится на одном из последних мест по образованию и медицинской помощи, её вклад в общесоюзный бюджет совершенно непропорционален вкладу других республик.

Но вернёмся, наконец, к вопросу об «опасности» моей статьи «Русофобия». Аргументация на этот счёт носит общий характер. Точно так же можно было бы сказать, что, раз вы видите опасность русского национализма, то можно сделать вывод: долой русских националистов (или русских)? Нет, помилуй Бог, вы к этому не призываете, я говорю о массовом сознании.

Ну что же, хотелось бы теперь перейти к тому, на чём основана ваша концепция, выяснить, в частности, вопрос: почему вы придали такой зловещий характер выдержкам из Ветхого завета?

— Я хотел показать, какие есть основания в еврейской религиозной традиции, на которые может опереться то течение избранного меньшинства, которое выразилось в цитированных мною работах. Если бы я хотел какое-то другое течение проанализировать, например, сионистское (в принятом на Западе смысле этого слова), стремление вернуться в Израиль, создать своё государство (религиознее, с Храмом в центре), то я привёл бы другие цитаты. Если бы я хотел проанализировать какую-либо черту русской истории, я привёл бы третьи цитаты.

Но ведь в том-то и дело, что Ветхий Завет — это не только еврейская история, но в смысле религиозном — это и русская история.

— Цитаты те же, а восприятие их противоположное.

Иудаистская традиция основывается на Ветхом завете, содержащем это обетование: господство над другими народами, которые будут служить, отдавать свои богатства Израилю и т. д. Христианская же традиция такую интерпретацию отклоняет, считает её

заблуждением.

Ваше отношение к «Протоколам сионских мудрецов»?

— Мне всегда казалось совершенно непонятным то влияние и распространение, которые они получили. Очевидно, в них есть то, что кажется интересным — правильное или неправильное, хорошее или плохое. Я этого не понимаю. Обычно говорится: «„Протоколы“ поражают тем, что сказанное в них подтвердилось во время революции и после неё», это и считается доказательством их подлинности. Я внимательно прочитал «Протоколы», выписывая все предсказания, которые осуществились, и мне они видятся поразительно слабыми. Например, такой прогноз: новая власть станет контролировать экономику с помощью прогрессивного налога. По-видимому, авторам просто не приходило в голову, что можно национализировать всю промышленность. Ничего не говорилось о земледелии — видимо, идея колхозов и совхозов оказалась за пределами фантазии авторов. Предполагается, что будет подорвано влияние дворянства, но ведь это произошло во время Французской революции (страна, о которой идёт там речь, судя по всему, Франция). Наконец, утверждается: власть окажется в руках евреев. Однако в девятнадцатом веке и без того существовала целая литература, проповедовавшая, что революционная деятельность, с одной стороны, и власть биржи, с другой, приведут к господству евреев над миром. Так что в «Протоколах» я не нашёл ничего принципиально нового в сравнении с уже не раз высказанным.

Кстати, в «Русофобии» нет ни слова о масонах, о всемирном еврейском заговоре. Это действительно ваше убеждение или нежелание впасть в крайности?

— Это действительно моё убеждение, точно так же, как и стремление не впасть в крайности. В истории есть своя логика, она не является набором случайностей, а представляет закономерный, отчасти целенаправленный процесс. Развитие ребёнка во чреве матери — тоже естественный процесс, но никто его не назовёт чьим-то заговором. В истории большие группы людей, не сговариваясь, часто работают в определённом направлении. Мне кажется, механизм таких процессов ещё мало изучен. Пока же получается так, что почувствовав «логичность» истории, люди скатываются к тривиальной концепции заговора.

И всё же создаётся иногда впечатление, что вы «ищите еврея». Взять к примеру описание расстрела царской семьи. У вас Белобородов — Вайсбарт, Голощекин — Шая, плюс — не знаю, какими это подтверждается источниками, — начертанное на стене комнаты, где происходил расстрел, двестише из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это. Старательно перечисляются еврейские фамилии из сотен людей, руководивших ОГПУ, причастных к разрушению церквей. Не слишком ли вы пристрастны при выборе «отрицательных персонажей?»

— Что значит «ищу еврея»? Я хочу обратить внимание читателя на исключительно большую роль, совершенно непропорциональную его доле в населении, которую радикальное революционное еврейство иногда играло. Относительно Белобородова: я не раз встречал во многих работах упоминание его подлинной фамилии; есть воспоминания одного пленного немца, бывшего в отряде, охранявшем царскую семью (опубликованы в немецком еженедельнике «Семь дней») — в них рассказывается обо всех руководителях Советской власти в Екатеринбурге, упоминается и фамилия Белобородова — Вайсбарт. Двестише из Гейне приведено в книге Соколова, расследовавшего дело о расстреле царской семьи, в ней даже говорится, что имя Валтасара было изменено на «Валтацар» (по аналогии с царём).

Список начальников отделов ГПУ «эпохи Беломорканала» взят из книги Р. Конквиста, аналогичную картину рисует и Солженицын в «Архипелаге». Наконец, перечень антирелигиозных пропагандистов взят из ходившей в самиздате рукописи покойного украинского академика Белецкого. Все эти работы не имеют никакой национальной направленности.

Однако, вы пишете: «После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти — Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда — Зиновьев, Москвы — Каменев. Коминтерн возглавлял Зиновьев,

Профинтерн — А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале — несколько месяцев — Ефим Цетлин и т. д.». А Ленин куда девался? Как вы оцениваете его позицию?

— Ленин был человеком, полностью отдавшим себя революции, и на всё происходившее вокруг он смотрел с этой точки зрения. Таково, в частности, его отношение к нации. Он считал истинным патриотизмом желать поражения в войне своему правительству, при этом он употреблял выражение «революционная национальная гордость». А давайте посмотрим, чем он предлагал гордиться русским: тем, что они, как и другие нации, сумели создать революционный рабочий класс. И кем — Радищевым, декабристами, народовольцами. Но мы не встретим в этом ряду имён Пушкина, Ломоносова, Чайковского, Дмитрия Донского, не говоря уже о Сергии Радонежском.

Нация была консервативной силой, она поддерживала сложившийся миропорядок, была препятствием для революционеров. Не случайно, поэтому, Ленин весьма своеобразно представлял себе предназначение русской нации: «...интернационализм со стороны угнетающей или так называемой „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в нации фактически». В духе этого изречения шли все выступления по национальному вопросу на XII съезде партии — Сталина, Зиновьева, Яковлева, Бухарина. Все они говорили об опасности великодержавного шовинизма, что его надо беспощадно уничтожить, а в докладе Сталина назывались конкретные мероприятия: когда и какие фабрики перевести в Среднюю Азию, какие в Закавказье. То есть именно тогда был дан толчок явлению, которое, как сейчас мы видим, подвергло Россию, её ресурсы опустошению. О чём бы ни шла речь — будь то мировая революция, поддержка режимов на Кубе или в Эфиопии — ресурсы черпались в основном из России. Теперь уже названы и цифры: 70 млрд. рублей в год, передаваемые ею в союзный бюджет.

Итак, русофобия осталась. В чём же она проявляется сегодня?

— Проявляется гораздо ярче, чем прежде. Раньше я должен был добывать произведения самиздата, эмигрантские произведения, чтобы делать какие-то заключения о происходящих процессах, конечно, с некоторым риском ошибиться. Теперь русофобия заявляет о себе резче и убедительней, так как взгляды высказываются в журналах, имеющих громадный тираж, перепечатываются старые произведения — эмигрантские, самиздатские, приобретающие в связи с новым поворотом истории совершенно иной смысл. Необходимо переосмыслить всю нашу историю, выяснить, что же с нами произошло. Если следовать концепциям, которые породили русофобию, ответ о причинах наших бед сводится к следующему: у русских отягощённый генофонд, а сталинизм — это народное национальное явление. Более того, существует точка зрения, будто коллективизация — результат крестьянской идеологии, и социальной базой Сталина оказалось патриархальное крестьянство; выходит, погубленное крестьянство стало своим собственным убийцей. Ответственность, таким образом, перекладывается с преступников (тех, кто планировал коллективизацию, руководил ею, воспевал её) на их жертвы. Но дело гораздо глубже: мы переживаем кризис, может быть самый тяжёлый за всю нашу историю, и нет уверенности, хватит ли сил пережить его. Нужно собрать все силы, нужна хоть какая-то доля уверенности, какая-то реальная надежда на лучший исход. А если «русская душа — тысячелетняя раба», то надежды не остаётся. Если у нас «отягощённый генофонд», то положение безнадежное — генофонд изменить нельзя!

Что же делать?

— Единственный выход — это дискуссия. Ведь что получается: если какая-либо идея кажется человеку недопустимой, она вытесняется в подсознание и порождает неврозы. Отсюда и та истерическая реакция на «Русофобию». Думаю, страсти постепенно улягутся, и станет возможным спокойное обсуждение проблемы. Я как раз и стараюсь рассуждать, опираясь не на эмоции, а на факты...

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Академии Наук СССР» № 1, 1990 г.

Русский вопрос

В пору гласности, когда поток информации каждый день несёт новые и новые факты из недавнего прошлого и настоящего, прежде хранившиеся за семью печатями, трудно чему-то удивиться. Но уже первая фраза из этой статьи поразила. Вот она. «Из всех жгучих проблем, скопившихся в нашей жизни, вопрос об отношениях между нациями, кажется, самый больной». Предвижу недоумение читателей. Мол, чего тут особенного, это же факт.

Но эта статья была написана осенью 1973 года. Когда, казалось бы, даже намёка не было на межнациональные конфликты в СССР.

«Слишком много здесь наболело и слишком мало времени, может быть, осталось, чтобы исправить содеянное», — пытался пробиться одинокий голос честного человека. Но его не хотели слышать.

Статья «Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР)» члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии И. Шафаревича смогла найти место лишь в «самиздате».

Как мог математик в ту застойную пору предвидеть события, ставшие главной неожиданностью перестройки?

Это был первый вопрос, который я задал И. Шафаревичу при нашей встрече.

— Для этого у меня был ряд оснований. Первое — мои личные наблюдения. Я в молодости любил много путешествовать, бродил по горам, встречался с людьми разных национальностей. Накопились наблюдения. Второе — опыт, который был уже к тому моменту в других странах. Это меня поражало — особенно то, насколько люди мало обращали внимания на допущенную раньше колоссальную ошибку. Весь XIX век, по крайней мере Запад, во всём диапазоне западной мысли, от крайних революционеров до либералов был уверен, что вопрос о национализме — отживший. Что это пережиток феодализма, варварства. Одни считали, что к этому светлому будущему постепенно приведёт «смягчение нравов», прогресс. Другие заявляли, что новое общество, в котором национальные идеи исчезнут, будет создано в результате революции. Вот, например, в «Коммунистическом Манифесте» о пролетариях говорится: «Современный промышленный труд, современное иго капитала... стёрли с него всякий национальный характер...» Или: «Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов всё более и более исчезают уже с развитием буржуазии... Господство пролетариата ещё более ускорит их исчезновение».

Первая мировая война для многих была в этом смысле шоком. Каким образом такой колоссальный кризис расколол мир на разные нации?

Но национальное унижение, которое было потом направлено в русло национальной агрессивности в Германии, стало причиной второй мировой войны.

После второй мировой войны национальный вопрос ещё более обострился на всей планете. В результате национально-освободительного движения появился целый ряд новых государств в Африке, Азии, Латинской Америке. Но и в этих государствах — казалось бы, узконациональных — этот вопрос остался достаточно болезненным. Начались необычайно жестокие межплеменные войны. Например, война в Нигерии привела почти к полному уничтожению громадного племени Ибо, погибло больше миллиона человек. Вспомним Эфиопию, Судан...

Появились совершенно новые виды национализма. Например, баскский национализм в Испании, который до сих пор выливается в яростный терроризм. Или национализм валлонов в Бельгии, о котором мы даже не подозревали, бретонский — во Франции, валлийский — в Англии.

В-третьих, в 70-х годах у нас появился национальный самиздат, в котором резко проявились национальные чувства: западноукраинский, грузинский, эстонский...

По мнению писателя, народного депутата В. И. Белова, идеологические установки и выводы по поводу слияния и исчезновения наций не оправдались...

— Национальные чувства, стремления, от умеренных до самых крайних, оказались одной из основных движущих сил современного мира. В каком-то смысле это вообще большой вопрос человечества. Если посмотреть на предыдущие века, то он точно так же всегда сотрясал мир. Таким образом, те представления о будущих национальных отношениях, которые сложились в XIX веке, не просто требуют поправки, они нуждаются в совершенно ином рассмотрении.

Во всяком случае, по отношению к нынешней ситуации в СССР, где катастрофические размеры приобретают межнациональные конфликты, которые нередко проявляются в самых уродливых формах.

В последнее время приходится порой слышать, где завуалированно, а где и прямо, что виной всему, дескать, русские. Их называют оккупантами, колонизаторами...

— Такой лозунг об оккупантах — мобилизующая сила для крайних национальных течений. Он упрощает все проблемы, объявляя русских единственными виновниками всех несчастий. Этот лозунг, как им кажется, объединяет и поможет решить национальные проблемы. Но это совершенно неверно. Озлобление никогда не поможет. Оно ослепит, вызовет обратную реакцию.

Игорь Ростиславович, давайте вернёмся к «оккупантам». Какую-то странную оккупацию они вели, подобную вряд ли встретишь ещё где в истории. Никакими благами, преимуществами не пользуются.

И вот парадокс — «оккупанты» живут подчас хуже этих народов. Как-то у нас в редакции выступал доктор наук, специализирующийся на национальных вопросах. Он объяснил так: «Руководители областей РСФСР плохо просили у центра». Неужто действительно Смоленской, Рязанской, Тамбовской и остальным российским областям десятки лет сплошь выпадали застенчивые начальники?

— В этом вопросе нам опасно впасть в субъективизм. По пословице «Чужие слёзы — вода». Надо себя тщательно проверять. Например, полемизируя с Солженицыным, академик Сахаров упрекал его именно в односторонней оценке. Он писал: «...ведь все мы знаем, что ужасы гражданской войны, раскулачивания, голода, террора, Отечественной войны, неслыханных в истории антинародных жестоких репрессий миллионов вернувшихся из плена, преследования верующих, что это всё в совершенно равной мере коснулось и русских и нерусских подданных Советской державы».

Мне кажется, что этот вопрос требует внимательного рассмотрения. Недостаточно такого аргумента: «Все мы знаем». В молодости, путешествуя по стране, я наглядился и на развалины кишлаков в Средней Азии (последствия борьбы с басмачами или переселения «на хлопок»), и на заброшенные села в Карелии (выселение целых деревень), бродил по совершенно безмолвным районам Карачая или Балкарии на Кавказе, всё население которых в несколько дней было отправлено в Среднюю Азию. А там, в Средней Азии, вдруг слышал чистейший немецкий язык — это были ссыльные с Поволжья.

Действительно, этот период тяжело ударил по всем народам. В трагическом положении очутились три народа, когда-то вместе называвшиеся Русь: русские, белорусы, украинцы. И причины этого лежат глубоко. Представим себе, например, коллективизацию. Ей предшествовала идеологическая кампания создания озлобления, ненависти к деревне, деревенской культуре. Тогда эта враждебная деревня объединялась термином «Расеюшка-Русь». Поэты говорили, что это «растреклятое слово», что она «повешена», ей объявляли смертельную войну, клялись в ненависти и т. д. Всё-таки сам термин, хотя и подразумевалась любая деревня, как-то особо выделял Россию. И я думаю, что энтузиасты, воспитанные на этих стихах, когда приступали к коллективизации, когда видели индивидуальные черты этой «Расеи», то это их мобилизовывало больше, чем столкновение с деревней иного типа.

Эта идеология имеет и более глубокие корни. Например, Сталин в своих выступлениях по национальному вопросу на X, XII, XIV, XVI съездах всегда утверждал, что главной опасностью в национальных отношениях является великодержавный — или, как он иногда

говорил, великорусский — шовинизм. Особое положение в этом вопросе занимал XII съезд РКП(б), где очень много внимания было уделено национальным отношениям. Съезд дружно выступил против того, что они выражали словом «русотяп». Говорилось о «полном великодержавном русском шовинизме». Призывали «подсекать головку нашего русского шовинизма» или «прижигать его огнём». Утверждалось, что русским «нужно себя искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими нациями». Даже слова Сталина, что у нас имеется, кроме великодержавного шовинизма, и национализм в других нациях, хотя основной опасностью является великодержавный шовинизм, были встречены в штыки. «Эта точка зрения не наша», на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Весь съезд проходил в атмосфере деликатной озабоченности национальными чувствами всех наций, кроме русской. И никому не приходило в голову подумать, что и у русских есть национальные чувства, которые также могут быть поранены.

Но ведь на том съезде впервые не было Ленина.

— Это верно. Выступавшие на этом съезде основывались на неопубликованных тогда широко, но сообщённых всем делегатам документах В. И. Ленина. Теперь они все известны. Там говорилось, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

А как же теория классовой борьбы? Ведь среди русских тоже были угнетённые. Пролетариат, крестьяне. Жизнь их была несладкая. И кровь лилась. Вспомним известный по школьным учебникам Ленский расстрел. Что они-то, угнетённые, должны были возмещать?

— Традиция эта ещё более старинная. Она уходит далеко в дореволюционную историю. Западная мысль в XIX веке стояла на такой точке зрения, что Россия — это некоторое препятствие, которое загораживает дорогу для прогресса, как бы кто ни понимал понятие прогресса.

Или вот в статье Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской Газете»: «На сентиментальные фразы о братстве, обращённые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает ещё быть у немцев их первой революционной страстью: со времени революции (имелась в виду революция 1848 г. — И.Ш.) к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма... можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности».

Такая политика. Как можно объяснять всё это нерасторопностью или равнодушием какого-то руководителя? Наоборот, руководители были воспитаны в такой традиции.

Вспомним целину, на которую были брошены громадные средства.

— Хотя совершенно рядом, за околицей Москвы, — гибли деревни. — Мало того, что Нечерноземье не поднимали. Его разрушали.

Последний удар деревне был нанесён не коллективизацией, даже не войной. А хрущёвско-брежневской политикой. Сначала скот отнимали, отдавали в колхоз. Потом продавали обратно.

Разрешали косить в лесу сено на корову с тем, чтобы взять себе одну десятую часть, а остальное в колхоз. Во всех учебниках истории средних веков говорится, что церковь грабила трудящихся, беря с них десятину, т. е. десятую часть. Здесь же одну десятую часть оставляли.

Так от деревенского труда отучали людей. Все эти слияния, разливания колхозов. Политика «неперспективных деревень». Это была политика последнего удара. Как сказал Солженицын, брежневского катка, прокатившегося по деревне.

Неравенство создаётся резкой разницей между ценами на различные сельскохозяйственные продукты, которая во много раз отличается от соотношения мировых цен. На это обращают внимание приезжающие к нам иностранцы. Они, например,

поражаются разнице цен на картофель и цитрусовые, которая разительно отличается от пропорции цен во всём мире.

Бедственным является положение с медицинской помощью и школами в русской, белорусской и украинской деревне. Тяжелейшие демографические последствия. Население почти не растёт, в Нечерноземье оно сокращается. Такая политика рубит корень, из которого растёт вся страна. Это вопрос не просто о личных своих обидах. Это вопрос разумного отношения к будущему всей страны.

Переход отдельных республик на хозрасчёт представляется мне каким-то парадоксом. Говорится, что это прекрасный эксперимент. Но что за эксперимент? Как хозяйства будут развиваться в неравноправных условиях?

Возникает насущнейшая проблема перехода на хозрасчёт РСФСР. И сверхнасущная — срочная программа взаимоотношений республик, перешедших на хозрасчёт, с теми, кто ещё не перешёл. Я говорю не с той точки зрения, что РСФСР не будет и не должна оказывать помощь другим республикам. Во-первых, как мне кажется, это не в духе русского народа. Во-вторых, не представляется разумным. Мы все глубоко связаны исторически, экономически. Кризис в одном районе заденет всех. Но, как мне кажется, помощь не должна быть безличной. Не должна идти из союзного бюджета. Должна носить личный характер: от такой-то республики такой-то... Тогда эта помощь может быть учтена, могут быть найдены разумные размеры. И с другой стороны — после этого нас возможно, перестанут называть оккупантами, колонизаторами.

Выход всегда заключается в том, чтобы реально формулировать проблемы и не бояться называть их своими именами, не загонять в подсознание. Если речь идёт об отделении республики, то проблему надо так и формулировать. Тогда и ставить, обсуждать в таком виде. И выяснить, в какой мере она пользуется поддержкой всего населения республики, каковы социальные последствия этого, в каких границах республика должна отделиться? Каким образом можно разделить собственность, которая в этой республике имеется? Как сохранить права нацменьшинств, которые по численности в ряде республик почти равны национальному большинству? И, может, в результате такой реалистичной постановки вопроса сама острота проблемы ослабнет. Сейчас же, мне кажется, она трактуется в виде лозунга, иррационального лозунга, который из-за этого всегда наиболее опасен. Поскольку действует на чувства, минуя разум.

Во всех республиках бед немало. Кто в этом виноват? Одни во всём винят русских, другие — масонов, третьи — аппарат. Словом, ищут конкретных врагов.

— Нашим врагом, как мне представляется, являются не определённые люди, а какое-то духовное поветрие, течение мысли, охватившее весь мир. Это стремление превратить людей в стандартные винтики громадной машины, в лишённую индивидуальности массу, управляемую и направляемую. Такой же механической логике хотели бы подчинять и природу — откуда и происходит весь современный экологический кризис: разрушение природы и разрушение социальной среды обитания человека, прежде всего нации — это разные стороны одного и того же процесса, который можно видеть почти во всех странах мира.

Посмотрите, и у нас в стране: на стирание национальной индивидуальности жалуются и русские, и украинцы, и прибалты, и малочисленные народы Сибири. Поэтому противоречия между этими народами часто являются лишь видимыми, только естественным желанием найти конкретного виновника своего тяжёлого положения. Причина же этого положения общая, та, что угрожает Байкалу, Севану или Волге.

В этом смысле все народы являются не противниками, а союзниками, в самом существенном их интересы совпадают. И на пути взаимопонимания мы способны осознать это единство наших коренных интересов, а тогда и найти общий путь преодоления теперешнего кризиса.

Впервые опубликовано в газете «Комсомольская правда», 14 февраля 1990 г.

Что такое патриотизм?

Очевидно, это некоторая сила, сцепляющая народ, не дающая ему распасться на отдельные индивидуумы, так что вопрос лучше было бы сформулировать так: что такое народ, почему человечество делится на такие общности? Явления эти — народ и сцепляющая его сила, патриотизм — проявляются во все времена, которые охватывает история. И идут гораздо глубже, как это видно на примерах «примитивных», т. е. догосударственных обществ, если только расширить понятие народ до «этноса», включив в него и племя, и союз племён. Собственно, проблема имеет ещё более глубокие корни — очевидно, какая-то аналогичная сила объединяет и животные общества: стаю волков или диких гусей. Но так далеко мы здесь не пойдём, обозначив этот аспект лишь для того, чтобы очертить размер явления.

Как раз на примере зачатка нации — одного племени — на наш вопрос легче ответить, и большой материал был собран этнографами. Если туземцу удавалось объяснить истинный смысл того, что этнографу хотелось у него узнать, то ответ на вопрос: что же соединяет вас в одном племени? — в большинстве случаев был один и тот же, хотя для нас довольно неожиданный: «Наши общие мифы». Но этот ответ станет, пожалуй, менее удивительным, если мы вспомним, что и Достоевский связывал рождение нации с появлением религии: Иудаизма у евреев, Ислама у арабов, Православия у русских.

Чтобы оценить ответ, полученный этнографами, надо понять смысл, который туземцы вкладывали в понятие мифа. Мифы племени были тайным знанием, которое сообщалось лишь посвящённым (обычно посвящение получало большинство взрослых мужчин). Но мифы не только рассказывались: они и соперничались в обрядах и церемониях, в которых участвовали все посвящённые. Этим они напоминали современные религии с той разницей, что были более драматичными и душепотрясающими: с масками и плясками, зачастую с человеческими жертвоприношениями. Смысл церемоний заключался в возвращении к «мифологическому времени», когда творился мир и человек. Соприкосновение с этим особым «творческим» временем наполняло новыми силами и настоящее: обеспечивало плодородие природы, течение космического процесса, социальную стабильность общины. Миф открывал человеку его место, его значительную, творческую роль в космосе, тем наполняя смыслом его жизнь и давая силы для яркой, красивой жизни в условиях, тяжесть которых иногда нам даже невозможно себе представить. Эта роль мифа была трагически продемонстрирована, когда при соприкосновении с европейской цивилизацией распалась система церемоний и мифов. Этнографы видят именно в этом основную причину вымирания «примитивных» народов: наступавшей апатии, упадка жизненных сил, падения рождаемости.

На этом примере можно, мне думается, усмотреть смысл, функцию и больших современных наций, как и объединяющей каждую из них силы — патриотизма. По-видимому, необходимо существование какой-то промежуточной инстанции между индивидуальным человеком и всем Космосом. Только посредством этой инстанции человек способен почувствовать осмысленность своего существования в Истории и Космосе. История, например, является историей не отдельных людей, а народов и только через принадлежность к своему народу может человек ощутить смысл этого грандиозного процесса, «соприкоснуться тайнам прошедшего и будущего». Вот, например, как описывает академик Лихачёв мироощущение жителя Древней Руси, отразившееся в древнерусской литературе: «Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал своё место в этом мире».

Только через включение в эту общность — этнос — человек способен решать некоторые сверхсложные проблемы, которые ставит перед ним жизнь. Можно представить себе, что этнос каким-то непонятным для нас способом объединяет интеллект и души отдельных людей и создаёт некий сверхинтеллект и сверхдушу. И некоторые проблемы жизни посильны только такому сверхинтеллекту, а индивидуальный человеческий ум недостаточен для их решения. Он может не осознавать истинной логики решения даже после того, как оно найдено, рассматривая это решение лишь как «норму поведения», обязательную в данном обществе. Например, в «первобытных» обществах существует

очень сложная система правил поведения и запретов, препятствующих бракам между близкими родственниками (экзогамия). В то же время члены этих обществ не имеют, конечно, никакого представления о вредных генетических последствиях близкородственных браков и рассматривают существующих у них запреты как «табу», не требующие никакого обоснования (кроме разве того, что они были введены мифологическими предками). «Первобытные» общества сталкивались с не менее трудными экологическими, экономическими и социальными проблемами, чем мы. Решили они их очень не плохо, о чём свидетельствует само наше существование и тот мир, который они нам оставили в наследство: без озонных дыр и парникового эффекта, с чистым воздухом, кишасшими рыбой реками и плодородными почвами. Причём решение самых кардинальных из этих проблем было получено именно на надындивидуальном уровне и часто зафиксировано в мифах, системе ритуалов и запретов: например, уже упомянутая экзогамия, освоение огня, приручение животных, открытие посевного земледелия, колеса.

И более близкая история, вплоть до современности, полна примерами таких свершений, явно имеющих свою логику, но непостижимых или совершенно превратно толкуемых индивидуальным сознанием современников, так что логика, очевидно, является проявлением общенационального «интеллекта» или «души». Так, в XVII в. в Англии возник совершенно новый, динамичный, преисполненный сил жизненный уклад: индустриальное общество и парламентская демократия. Он определил жизнь Англии, сформировал Соединённые Штаты, распространился на Западную Европу и захлестнул почти весь мир. Но в момент его создания никто не думал о таких последствиях. Тогда всем здравомыслящим людям, включая короля и его советников, было ясно, что «прогрессивный» жизненный уклад — это централизованная монархия, как в Испании, Франции, укрепляющемся Русском царстве или Оттоманской империи. Парламенты воспринимались как реакционные пережитки феодальной эпохи. А сами сторонники нового общественного строя прокламировали (конечно, совершенно искренне), что создают «государство святых», прокладывая путь «пятой монархии» — монархии Иисуса Христа. И потребовалось несколько столетий и знаменитая работа талантливейшего историка Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», чтобы мы хотя бы начали угадывать — какова же связь между аскетически-фаталистической идеологией протестантизма кальвинистического толка и духом капитализма.

И сейчас в основных вопросах, перед которыми стоит человечество, наша надежда — на силу того же надындивидуального разума. Яркий (и, может быть, основной) пример — экологический кризис. Он возник из совершенно специфической ориентации современной технологической цивилизации: каждую свою экологическую проблему она способна решать лишь при помощи более глубокого и интенсивного воздействия на природу, тем самым создавая вместо одной несколько — причём более сложных — проблем. Так, промышленность, основанная на сжигании топлива, заменяется основанной на атомной энергии, порождая проблемы радиоактивного облучения и захоронения отходов. Истощение почвы при помощи интенсивного использования машин компенсируется применением химических удобрений, отравляющих продукты, воду и т. д. Совершенно неправдоподобно, чтобы на этом пути существовал выход, подобная гонка когда-то (скорее всего, довольно скоро) должна привести к катастрофе. Но это ощущение безвыходности относится к логически просматриваемым нами вариантам, а не к функционированию надындивидуального разума. Если проблема может быть решена, то только им. Конечно, проблема эта общечеловеческая, но, как в общечеловеческой науке открытие делает конкретный человек, так и в известных до сих пор примерах мы видели работу хоть надындивидуальную, но не общечеловеческого, а национального разума, отражающего, следовательно, некоторую особую индивидуальность — индивидуальность народа (см. приведённый выше пример роли Англии в промышленной революции).

Возвращаясь к вопросу, стоящему в заголовке статьи, мы можем теперь сказать, что патриотизм — это ощущение ценности, необходимости для жизни каждого человека его включения в большую индивидуальность народа или, с другой стороны — инстинкт самосохранения народной индивидуальности. Это заряд энергии, двигатель, приводящий в

действие те многочисленные средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции, национальные черты его религии. Поэтому угасание патриотизма — самый верный признак начала конца народа: из живого существа он превращается в мёртвую машину, отключённую от движущего её источника энергии. А искусственное разрушение патриотизма — самый надёжный путь уничтожения народа. Примером является русофобия, вспыхивающая всегда в критические моменты русской истории на протяжении последнего века. Речь идёт о разрушении тех элементов народной психологии, которые функционально эквивалентны мифам «первобытных» народов, с таким же результатом — вымиранием народа. Это можно сравнить с болезнью народного организма, но не с обычной болезнью, а духовным аналогом СПИДа, поражающим не какую-то одну сторону этого организма, но его центральную защитную систему.

Впервые опубликовано в газете «Политика» № 1, март 1991 г.

Библиографические примечания

К § 1

Вот более точное описание работ, упомянутых в начале параграфа.

- Г. Померанц: «Квадриллион», «Человек из ниоткуда», «Сны земли»;
- А. Амальрик: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» («самиздат»). «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» (РСХД) № 97, 1970. Сборники работ: «Самосознание», Нью-Йорк, 1976 и «Демократические альтернативы», ФРГ, 1976. Б. Шрагин: «Противостояние духа», Лондон, 1976;
- А. Янов: «Detente after Brezhnev» (далее цитируется как «Разрядка...») и «The Russian New Right» (далее цитируется как «Новая...») — обе в «Institute of international studies», Калифорнийский Университет, Беркли, 1977;
- Р. Пайпс: «Russia under the old regime» (далее цитируется как «Россия...»), Лондон, 1974.

К § 2

- Критику концепций, кратко изложенных в § 1, можно найти, например, в работах: Л. Бородин. «Вече» № 8 («самиздат»), А. Солженицын «Из-под глыб» («самиздат») и другие выступления, В. Борисов и И. Дубровский: «Вестник РХД», № 125, А. Шанецкий: «Память», № 4 (Самиздат).
- По поводу места концепции «Москвы — Третьего Рима» в мировоззрении Московского царства см., например, Д. С. Лихачёв, «Национальное самосознание Древней Руси», с. 100...101, и работы Н. Н. Масленниковой и А. Л. Гольдберга в ТОДРЛ за 1962, 69, 74 гг.
- О том, что секуляризация церковных земель не вызвала на Руси социальных потрясений — Пайпс. «Россия...», с. 242.
- Синодальный период управления церковью — как пример «русской предрасположенности к единогласному послушанию» — Шрагин. «Самосознание», с. 263.
- О влиянии «территориальной системы» церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России, см., например, А. С. Павлов. «Курс церковного права», Сергиев Посад. 1902, с. 485...490, 507.
- О «значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века» — Пайпс. «Россия...», с. 291...295.
- Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из: Томас Гоббс. «Избранные произведения в двух томах». Том II, М., 1965. «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», с. 47, 196...202, 207,

230...235, 488...490, 505, 526, 527, 567.

Б. Спиноза. «Избранные произведения в двух томах». Том II. Политический трактат, с. 301...302, 305, 309...310.

Жан-Жак Руссо. «Об общественном договоре, или Принцип политического права». М., 1938, с. 13...14, 16, 18, 24, 29, 34.

- О западных влияниях на петровское законодательство см. Георгий Гуревич. «„Правда воли монаршей“ Феофана Прокоповича и её западноевропейские источники», Юрьев, 1915.

- О «революционном мессианстве» см. Л. Тальмон. «Political messianism», Лондон, 1960.

- О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. «Антифеодальные еретические движения на Руси XV начала XVI века». М.—Л., 1955 и А. И. Клибанов. «Народная социальная утопия в России». М., 1977.

- Дискуссия по поводу «Повести о Дракуле» см. В. Борисов. «Вестник РХД», № 125, и Г. Померанц. Открытое письмо редактору «Вестника РХД» (Самиздат).

- Пайпс о частной собственности в Московской Руси; «Россия...», с. 316, и И. Дубровский. «Вестник РХД», № 125.

- Пайпс о русских пословицах: «Россия...», с. 159.

- Пайпс о грамотности в Московской Руси: «Россия...», с. 123. См. также А. И. Соболевский. «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» СПб., 1892, особенно с. 3...4. Подсчёты А. И. Соболевского были продолжены Н. А. Ватановой: «Русский читатель XVII в.» в сб. «Древнерусская литература и её связь с новым временем». М., 1907. См. ещё Д. С. Лихачёв. «Культура русского народа». М.—Л., 1961, с. 106...107.

- Янов о роли «Архипелага ГУЛАГ» в русской истории: «Демократические альтернативы», с. 188.

- О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX века, очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании — масонами, в Италии — карбонариями) см., например, Е. Тарле. «Политические движения в Испании и Италии в 1820...1823 гг.», «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. I, с. 128...176, М., 1913.

- О заговоре Тистельвуда или «Заговоре на улице Катона» есть статья в Британской Энциклопедии.

- О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге Шарль Шмидт. «Июньские дни 1848 г.». Л., 1927.

- По поводу числа убитых при разгроме Парижской коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальными гвардейцами равно 6600 (м. Du Camp, «Les Convulsions de Paris» т. I, Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15 000. Обычно называют цифру от 30 000 (Жорж Буржен. «История Коммуны», Л., 1926) до 20 000 (Э. Лиссагарэ. «История Коммуны»).

- Янов о «возрасте» демократии: «Новая...», с. 99. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22», Тель-Авив, 1976, с. 86.

- Об ирландской кампании Кромвеля см., например, Михаил Фрейнд. «Die grosse Revolution in England», Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает Дю Буа. «The Negro», Лондон, 1915. Число жертв Французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как Гракх Бабёф («О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье» в: Гракх Бабёф. Сочинения. Т. 3, М., 1977, с. 225) и революционер, но позже отошедший от революции Л. М. Прюдом в «Histoire générale et impartiale...» Из более поздних историков Тэн пишет: «Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада число убитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону». См. «Происхождение современной Франции», т. IV, кн. V, гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).

- О числе жертв опричнины см. Р. Г. Скрынников. «Иван Грозный», М., 1965, с. 191.

- Филипп Эрлангер в «Le massacre de la St-Bartheleми» приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру называл Боссюз: 6000, наибольшую —

воспитатель Людовика XIV Перефикс: 100 000. Из современников будущий канцлер Генриха IV Сюлли говорит о 60 000, историк Ту — о 10 000 в Париже и 40 000 в провинции, иезуит Бонами — 4000 в Париже и 25 000 в провинции, протестант Креспин в «Мартирологе» приводит имена 15 000 убитых, историограф короля Массон и английские архивы говорят о 2000...3000 убитых в Париже и 10 000 в провинции (с. 193...194).

К § 3

- Цитаты из Горского: «Вестник РСХД», М 97, с. 61 и 34.
- Цитаты из Янова: «Разрядка...», с. 101, 183, 104, 80, 100.
- Цитаты из Померанца о том, что «народа больше нет»: из его сборников «Квадриллион», «Человек ниоткуда».
- Померанц о русском народе и Самодержце: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- «Русские не имеют истории» — см. Б. Шрагин «Самосознание», с. 261.
- Янов о демократии и тоталитаризме: «Новая...», с. 88, 102.
- Характеристику английского парламентаризма см. в Werner Sombart. «Der proletarische Sozialismus», Jena, 1924, или Hans Delbruck. «Regierung und Volkswille», а также в его работе «Whigs and Tories» в «Historische und politische Aufsätze», Berlin, 1887.
- Об ограничении власти см. Ш. Монтескьё. «О духе законов», кн. II, гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктона «Political causes of American Revolution» («Essays in the liberal interpretation of History», Чикаго, 1957, с. 41...94). См. также В. Хабуш. «Die moderne Demokratie», Jena, 1921, с. 51, и Дж. Х. Рендал. «The Making of modern mind», Нью-Йорк, 1926, с. 345...350.
- В американской политической литературе XVIII и начале XIX в. «демократическая» форма правления противопоставлялась «конституционной» или «свободной».
- Схема вырождения в деспотию у Платона — «Государство», 562. Его взгляды на демократию — там же, 557, у Аристотеля — «Политика», 1292 а.
- Взгляды Бёрка: Ed. Burke. «Reflections on the Revolution in France», Нью-Йорк, 1961, с. 138.
- Из современных авторов: Ф. А. Хайек. «Law, legislation and liberty» t. 1, «Rules and Orders», Лондон, 1973.
- Взгляды Краснова-Левитина и Плюща: «Демократические альтернативы». Плющ о терроризме: «Ответ Т. С. Ходорович», «Континент», № 9, с. 252.
- Концепция Янова: «Синтаксис», № 1, Журнал «22», 1978, «Новая...», с. 88, «Разрядка...», с. 141, 85, 86, 80, 83, 21.

К § 4

• Две точки зрения на Историю — обе очень древнего происхождения. Платону принадлежит сравнение законодателя с мастером. В «Государстве» и «Законах» он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, Аристотель считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи («Политика», 1252а). Я. Бурхард в «Культуре Ренессанса в Италии» считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.

• Типичным пониманием государства как «конструкции» является теория «договора» Гоббса — Руссо. Взгляд на государство как «организм» также многократно высказывался, вплоть до попыток построения «социальной физиологии», «социальной анатомии» и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: Karl Menger. «Untersuchungen über die Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie». Leipzig, 1883.

- В наше время «органическая» точка зрения развита в цитированной выше книге

Хайека.

- Вообще «органическая» концепция, как правило, ближе историкам, а «механическая» — социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин «социальная инженерия»).

- О роли интеллигенции: Горский. «Вестник РСХД», № 97, с. 52, 53; Шрагин. «В поисках почвы» («самиздат») и «Противостояние духа», с. 216; Померанц. «Квадриллион» и «Человек из ниоткуда».

- Шрагин против демократии: «Синтаксис», № 3, с. 22.

- Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке Augustin Cochin. «Les Societes de pensee et la democratie», Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический материал — в книге «Les Societes de pensee et Revolution en Bretagne (1788...89)», Париж, 1925. Второй том посвящён исключительно публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать, ввиду её «нелиберальности») признания большинства историков.³⁸ Его взгляды относят, как правило, к типу теорий революции как «заговора», что, как мне кажется, представляет их в совершенно искажённом виде.

- О влиянии кальвинизма на создание «духа капитализма» имеется классическая работа: Max Weber. «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism», Лондон, 1930.

- Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: Михаэль Вальцер. «The Revolution of the saints», Кембридж, Масс. I, 65.

- О роли пуритан в английской революции см. Беллок, Хиллер. «Кромвель», Лондон, 1934, и цитированную выше книгу М. Фрейнда.

- Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга Зомбарта, т. I, с. 45...47, и особенно Н. von Treitschke. «Deutsche Geschishte im Neunzehnten Jahrhundert», ч. III, гл. 9, Лейпциг, 1885.

- Русская публицистика 60...70 гг. XIX в. см.:

- В. А. Зайцев. «Избранные сочинения» т. I, М., 1934, с. 55, 62, 95, 96.

- Ю. В. Стеклов. «Чернышевский», М.—Л., 1928, ч. I, с. 158.

- Достоевский Ф. М. «Дневник писателя», март 1876 г., май — июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.

- Л. Тихомиров. «Начала и концы („либералы“ и террористы)», М., 1890.

К § 5

- Выражение «дьявол русской тирании» принадлежит Янову: «Синтаксис», № 6.

- Шрагин о «России как жандарме Европы»: «Самосознание», с. 56.

- О «надеждах» эмиграции см. Амальрик. «Синтаксис», № 3.

- По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см. Н. Зернов. «Русское религиозное возрождение XX в.» Париж, 1974, «Вехи» (сборник статей о русской интеллигенции), 2-е изд. М., 1909, «Интеллигенция в России», СПб., 1910.

К § 6

- По поводу цитат «Они о нас» см. статьи «Горского» (псевдоним) в «Вестнике РСХД», № 97, «Сны Земли» Померанца, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрика, «Противостояние духа» Шрагина, с. 60, статью Белоцерковского в «Демократических альтернативах», с. 87, Альбом «Les peintures russes contemporaines» Palais des Congrus; Париж, 1976, картина «Ciel lourd», статью Меерсона-Аксёнова в «Самосознании» с. 103, и Амальрика в «Синтаксисе» № 3, с. 73.

- Национально окрашенные цитаты Янова см. «Разрядка...», с. IX, «Новая...», с. 12...16, 31, 160, 177...180, 28, 177. Журнал «22», Тель-Авив, 1978.

³⁸ Отношение к нему теперь изменилось. (Примечание 1990 г.)

- Н. Я. Мандельштам, что «евреи — это и есть интеллигенция» — «Вторая книга воспоминаний», Париж, 1972, с. 119, 567...68. Аналогичные мысли Хазанова: «Запах звёзд», Тель-Авив, с. 291, 284, 296, 278.
- Шрагин о «национальном складе» интеллигенции: «Противостояние духа», с. 30.
- Янов о желательности «нового Баруха»: «Разрядка...», с. 88. Померанц о миссии Израиля: «Сны земли» («самиздат»).

К § 7

- «Революцию делали не одни евреи» — «Вестник РСХД», № 97, с. 6.
- Пьеса «Утомлённое солнце» — «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 7.
- Померанц о «проклятом вопросе»: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- Сборник статей «Россия и евреи»; переиздан в Париже в 1978 г. См. также Ф. Светов «Отверзи мне двери», Париж, 1978, статьи Бергмана и Дон-Левина в журнале «22», Тель-Авив, 1978, статью А. Суконина в «Вестнике РХД», № 123.
- Померанц об «опасном слове»: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- Янов: обвинение в антисемитизме как атомная бомба — «Синтаксис», № 6.
- Отрывок из статьи Синявского в «Континенте», № 1, касающийся «русского антисемитизма», переведён в «The New York Review of books», апрель 1976. Другая статья того же автора на ту же тему — «Синтаксис», № 2, с. 19.

К § 8

- Цитаты из сборника «Россия и евреи» в начале параграфа взяты из статей Н. О. Левина (с. 109) и И. О. Бикермана (с. 22...23).
- Обзор революционной эмиграции 80-х гг. см. «Хроника социалистического движения в России в 1878...1887 гг.». Публикация материалов министерства внутренних дел, М., 1917, с. 325...333.
- Показания Азева: «Былое», № 1, июль 1917 г.
- Обширные статистические данные находятся в книге: А. Дикий. «Евреи в России и в СССР», Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но не тенденциозные: в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.
- Рассказ Шульгина о его впечатлениях времён гражданской войны: «Что нам в них не нравится», Париж, 1929.
- Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвящённая расстрелу царской семьи: А. Саммерс и Т. Мангольд. «The File on the Tsar», 1976. См. особенно с. 88 и 185...187.
- Список руководства ОГПУ—НКВД — в кн. Р. Конквеста «The great terror».
- Выступления против «великодержавного шовинизма» см. «XII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков) 17...25 апреля 1923 г.» М., 1923. Там же, в ряде выступлений термин «Русопяты» (см. с. 553...567, 517, 562...566, 159, 526, 544).
- Стихотворения Безыменского: Альманах «30 дней», 1925, № 9, другие — «Правда», 13 августа 1925 г. и тот же альманах «30 дней», 1930, № 8.
- Плющ о Кутузове как «реакционере» — «Демократические альтернативы» (Беседа с Леонидом Плющом).
- Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств: Джоэль Кармайкл «Троцкий», Иерусалим, 1980 (сокращённый перевод с английского).
- Взгляды Хаима Житловского и Шарля Раппопорта: «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 11.
- Об Азеве и вообще эсерах см. Б. Николаевский «Azeff the spy», Нью-Йорк, 1934, с. 69 и 88.
- Рассказ М. Н. Покровского — в его книге «Очерки по истории революционного

движения в России XIX и XX веков», М., 1924, с. 152.

- Рассказ Витте о его встрече с Шиффом: Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, Л. 1924, с. 360. Дополнение Шульгина: «Что нам в них не нравится». Он ссылается на «Б'най Б'рит ньюз», т. XII, № 9.

- Отчёт о выступлении Лёба опубликован, например, в газете «Филадельфия пресс», 19 февраля 1912.

К § 9

- Макс Вебер об истории еврейского «гетто»: см. M. Weber. «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie». т. III; «Das antike Judentum», Tübingen, 1923.

- Молитва, которую приводит Макс Брод: M. Brod. «Joh. Reuchlin und sein Kampf» (Stuttgart — Berlin — Mainz, 1965, с. 263). Он говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.

- Мысли Лассалья: Ф. Лассаль. «Дневник», Петроград, 1919, с. 112, Мартова: Ю. Мартов. «Воспоминания социал-демократа», «Новь», М., 1924, с. 23.

- Стихи Бялика — Бялик. «Песни и поэмы», перевод с еврейского Б. Жаботинского, 2-е издание, СПб., 1912, с. 85, 119, 171, 181.

- Статья из израильского журнала: Шмуль Мушник. «Мэнора», № 22, VIII год изд., Иерусалим, 1980, из канадского: Гиндин. «Современник», № 34 Торонто, 1978, с. 209.

- Цитаты из книги «Россия и евреи», с. 117, 228.

К § 10

- По поводу рабочего законодательства в России конца XIX — начала XX в. см., например, Б. И. Литвинов-Валинский. «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России». Изд. II, СПб. 1894.

- П. А. Хромов. «Экономическое развитие России в XIX—XX веках», М., 1960, с. 350...354.

- Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует «Заключение межведомственного совещания об изыскании мер против забастовок». «Красный Архив», № 34, 1929.